

Журнал Нижегородской духовной семинарии

ДАМАСКИН

№2 (21) июнь 2012 года

Журнал Нижегородской духовной семинарии ДАМАСКИН

№2 (21)

июнь 2012

**Журнал
Нижегородской
духовной
семинарии**

**Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви**

Главный редактор
протоиерей Александр Мякинин

Заместитель главного редактора
священник Василий Спирин

Редакционный совет
священник Максим Антоненко,
А. В. Дьяконов, доцент Е. В. Плисов,
священник Сергей Ларюшкин,
иеромонах Лаврентий (Собко)

Вёрстка В. Г. Кочнев

Редактор-корректор О. В. Куранова

Фото
А. В. Ивасенко, Б. Л. Николаев, М. Ю. Павлов,
Б. Б. Поваров, А. Хамидуллин

Учредитель и издатель
НП ПЦ «Глагол»

Директор И. В. Мещан

Адрес
603086, Нижний Новгород,
Ярмарочный проезд, д. 10

Адрес редакции
603001, Нижний Новгород,
Похвалинский съезд, д. 5
Нижегородская духовная семинария
Тел.: (831) 430-50-64

E-mail: seminary.nn@gmail.com

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-41809 от 02.09.2010

Подписной индекс 51299

Тираж 2000 экз.

Печать: типография «Ридо»

603074, Нижний Новгород,
ул. Шаляпина, д. 2а

Дата выхода: 16 июня 2012 г.

Цена свободная

Слово
главного
редактора

Иерусалим, Афон, Валаам, Соловки, Дивеево... Для православного христианина эти наименования наполнены особым духовным содержанием, ибо обозначают места, обладающие удивительной притягательной силой, влекущей верующую душу к соприкосновению с Царствием Божиим. Оно отобразилось там и в древних каменных стенах, и в живых душах подвижающихся людей.

Христиане верят в вездесущего Бога и поклоняются Ему на всяком месте в духе и истине, но, сознавая собственную ограниченность и духовную слабость, зачастую стремятся туда, где «небо ближе». Это явление именуется паломничеством. О нём пойдёт речь в основных материалах очередного номера журнала «Дамаскин».

*Первый проректор Нижегородской духовной семинарии,
доцент, протоиерей Александр Мякинин*

Жизнь человека в христианском измерении есть путь к Богу, движение навстречу Создателю, стремление ко Христу как цели своего бытия. Одним из внешних выражений этой устремлённости является паломничество — путешествие, предпринятое ради поклонения святыне и приобщения к благодати Божией. Как в первые века христианской истории, так и в настоящее время верующие люди устремляются к местам, связанным с земной жизнью Спасителя и Богородицы, а также в храмы и святыни, где подвизались в прошлом святые угодники Божии, а ныне совершается им усердная молитва.

Но в чём смысл истинного паломничества? Что зовёт человека к поклонению святым местам? И всякое ли паломничество духовно полезно христианину? Над этими вопросами размышляют семинаристы. Их краткие заметки мы предлагаем любезному читателю.

*Артём Балашов,
студент Нижегородской духовной
семинарии*

Паломничество на Руси звали богомольем

Издrevле люди ходили на поклонение православным святыням, совершали паломничество. На Руси паломничество называлось также богомольем. Причиной отправиться в такого рода путешествие мог быть обет; молодые пары перед свадьбой шли на богомолье испросить у Бога помощи в семейной жизни; пожилые люди надеялись замогить грехи там, где совершали подвиги святые. Иных поклониться святыне принуждало несчастье, иных – желание принести Богу благодарность.

В любом случае, паломничество являлось усилием, совершаемым

человеком ради Бога. Евангелие даёт множество примеров необходимости подвига для обретения милости Божией. Так, слепорождённый был послан Христом в купальню Силоам, куда дойти ему было непросто, но он поверил, пошёл, умылся в водах купальни и прозрел.

Господь, видя старание паломников, их духовный подвиг и внутреннее горение, открывает им духовные тайны — видение своих грехов, радость покаяния; укрепляет их веру, даёт полезное для души.

*Антон Чикин,
студент Нижегородской духовной
семинарии*

ТЕМА НОМЕРА

Пример всем подала

Пресвятая Богородица

С древних времён паломничество считалось особым выражением почтения к Богу, а впоследствии — и к святым.

Пример всем людям подала Сама Пресвятая Богородица, которая после Вознесения своего Божественного Сына ежегодно обходила места Его страданий, смерти и Воскресения. Затем многие стали посещать эти места, с благоговением выражая Богу своё сострадание, любовь и прося себе милостей. Такой характер носило паломничество первоначально. Но постепенно оно приобретало более просительный и благодарственный характер. Люди шли в святые места попросить заступления или помощи, а также отблагодарить Бога, Пресвятую Богородицу или святого за ниспослание милости.

Возникает вопрос: для чего же нужно далеко идти, терпеть трудности дороги, чтобы поблагодарить Бога, помолиться Ему? Ведь Он слышит нас везде и везде пребывает... В ответе на этот вопрос раскрывается вся суть паломничества — это прежде всего жертва людей Богу. Она выражается как в телесном подвиге, так и в духовном. Телесный подвиг человек совершает, идя к месту своего паломничества пешком,

постясь, во многом себя ограничивая, терпя лишения, и всё это с молитвой и благодарением Богу. Правда, в нашей современности этот аспект (подвиг телесный) в большой степени отошёл на второй план. Пешком ходили раньше, сейчас же это редкое явление. Но в современном мире более ярко выражается другая сторона подвига паломничества — духовная. Это подвиг молитвы. Святые места — особые, имеющие особенную атмосферу. Древние обители вмещают и хранят в себе память молитвенных подвигов десятков тысяч людей разных эпох, в них подвизались и святые люди. И человек, находясь в таком месте, ощущает эту особую, освящённую атмосферу. Как бы вливаясь в молитву предков, он более усердствует в своей, и, несомненно, молится глубже и сильнее.

Паломничество — это, безусловно, подвиг, как телесный, так и духовный, совершаемый человеком ради Бога и необходимый прежде всего самому человеку — как способ доказать делом, хотя бы и самым скромным, свою любовь к Богу, выразить Ему свою благодарность.

*Артём Хамидулин,
студент Нижегородской духовной
семинарии*

В паломничество — за благодатью Божией

«Смысл путешествия, конечно, не в том, чтобы идти и не терять надежду, а в том, чтобы добраться до цели (хотя без надежды и до цели не доберёшься)».

Джон Рональд Руэл ТОЛКИН

Множество христиан, начиная примерно с IV века, принимают на себя труд посетить земли Палестины. Люди идут туда в надежде прикоснуться к святыням, они стремятся испытать, подчас невыразимое вербальным способом, мистическое чувство сопричастности событиям священной библейской истории. И это желание, эта надежда свойственны паломникам не только Святой земли (Палестины). У каждого христианского народа есть свои праведники, подтвердившие собственной

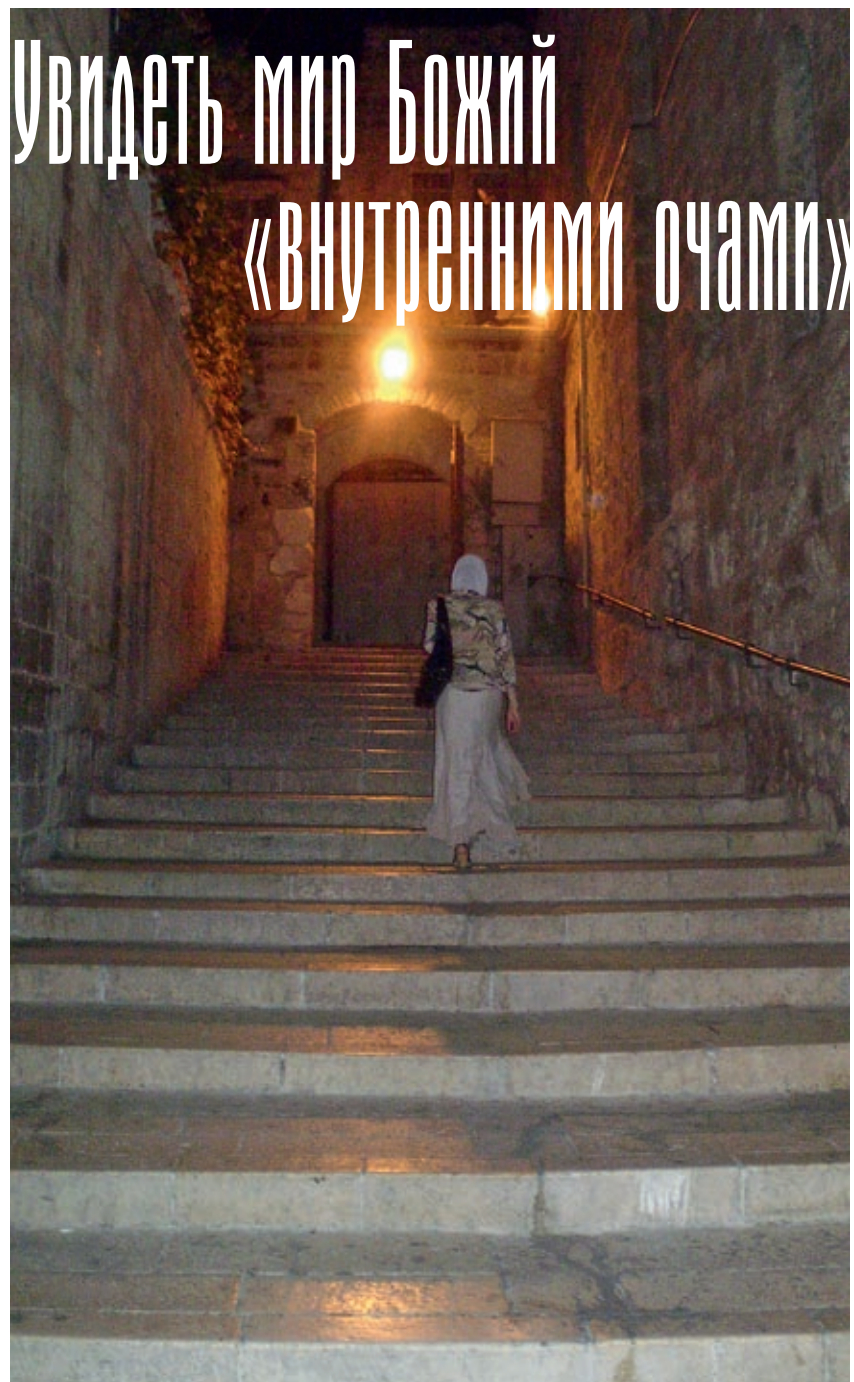
жизнью истинность спасительного пути Христова. Господь являет Свои чудеса повсеместно. И каждый христианин, отправляясь в паломничество, в те или иные края, торжественно несёт с собой невидимую секулярным взглядом пальмовую ветвь своей веры и надежды на встречу со Спасителем. Во время пути человек «настраивается» на определённый духовный лад — это находит своё выражение в посте, чтении духовной литературы, покаянии и молитве.

Стремление изменить свою жизнь по образцу Христову, желание стяжать благодати Духа Святого — вот что руководит выбором паломника. Есть что-то трогательное в этом стремлении человека к Своему Создателю. И люди вновь отправляются на Восток, в трудный, но самый главный в их жизни путь — навстречу Солнцу Правды.

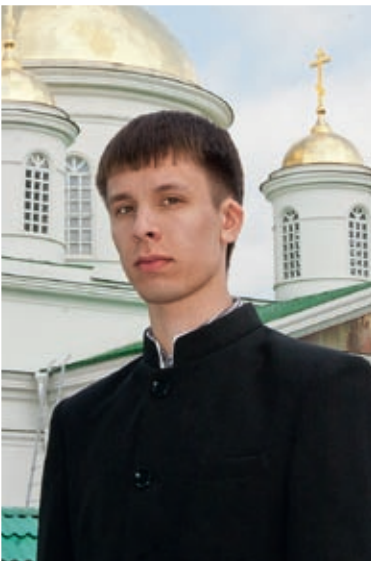
*Константин Суворов,
студент Нижегородской духовной
семинарии*

ТЕМА НОМЕРА

Когда человек отправляется в паломническую поездку, он ставит перед собой определённую цель. Даже если ему трудно внятно её сформулировать, она всё же есть, ибо в действительности паломник всегда путешествует по зову души. Места паломничества — особые, там Господь являет Свою благодать, к ней и стремится душа человеческая.

Цель паломничества — увидеть «внутренними очами» мир Божий, не только тот, что поражает своей внешней красотой, но и тот, которому человек способен приобщиться духовно, соприкоснуться с благодатным светом, исходящим от материальных святынь и людей, всецело посвятивших себя Богу.

*Михаил Белозёров,
студент Нижегородской духовной
семинарии*

Пути к Богу всегда сопряжены с подвигом

Жизнь современного человека во многом сориентирована на устроение удобств; часто он, сам того не замечая, руководствуется именно этим принципом — жизнь должна быть максимально комфортной, от неё нужно получать удовольствие. Нельзя сказать, что это всегда плохо. Но подобный образ жизни, с точки зрения христианина, трудно признать спасительным.

Если человек хочет в жизни чего-то серьёзного и важного, то он должен понимать, что это потребует от него усилий. И весьма вероятно, что ему придётся отказаться от удобств и сытости. Или потребуется хотя бы поменять ориентиры.

Пути человека к Богу различны, но всегда они сопряжены с подвигом. Паломничество — один из них, это своеобразный путь духовного возрастания. Подвиг всегда предполагает

самоограничение с целью пробуждения внутри себя иного человека, понимающего жизнь глубже и вернее, чем простой обыватель.

Христианский подвиг связан с верой человека, осознающего свою неспособность без Божественной помощи изменить себя к лучшему.

Паломничество и является таким усилием, преодолением боязни опасностей и трудностей, что могут встретиться в пути, готовностью испытать неудобства ради обретения благ духовных. Через соприкосновение со святынями и святыми, созерцание иноческой жизни, участие в богослужениях — в местах, связанных с жизнью праведников, святых угодников, апостолов или Самого Христа — христианину открывается Бог Своей благодатью, укрепляющей веру и помогающей идти по пути спасения.

*Иван Терёшин,
студент Нижегородской духовной
семинарии*

И В СОВРЕМЕННОМ ПАЛОМНИЧЕСТВЕ ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГУ

Душа верующего человека неизменно тянется к святым местам. Поклоняясь чудотворным иконам, мощам святых, посещая древние монастыри и соборы, христианин принимает благодать от Господа, сближается с Ним. Бог всеми силами старается привлечь «заблудшую душу» к Себе: человек также должен делать шаги навстречу Своему Отцу Небесному. Истинное паломничество — это и есть один из таких шагов.

Основой паломничества, без сомнения, является подвиг. Важен не столько факт пребывания в святом месте или поклонения мощам святого, сколько работа человека над собой, дабы достойно принять и сохранить ту благодать, которая исходит от святыни.

В древности люди совершали паломничества пешком, неся все трудности продолжительного и сложного пути: зной и дождь, порой даже нападение разбойников и диких зверей, отсутствие ночлега и пищи. Это был

действительно подвиг души и тела! Только истинная вера в Бога и в Его помощь поддерживала паломника в пути, придавала ему сил, вела его верной дорогой, ограждала от опасностей.

В настоящее время мало кто из нас решится отправиться в пеший поход протяжённостью десятки или сотни километров: мы имеем быстроходный транспорт — автомобиль, поезд, самолёт. Мало кому придёт в голову ночевать под открытым небом — нас рады принять многочисленные гостиницы. И всё же, оказывается, даже находясь в комфортных условиях, человек может найти место подвигу. Отправляясь в паломническую поездку, он жертвует своим временем, которое мог бы провести празднично. Выполнение в пути молитвенного правила, соблюдение поста, творение дел милости — всё это и будет той малой жертвой, видя которую Господь ниспошлёт на человека Свою благодать и даст ему силы сохранить её после поездки.

Пётр Гонов,
студент Нижегородской духовной
семинарии

Прикоснуться к тайне, подумать о душе...

Сегодня в России появилось очень много паломнических организаций. Как правило, они учреждены в качестве епархиальных отделов. Паломничества совершаются как по территории России, в том числе и по Нижегородской области, так и за рубеж.

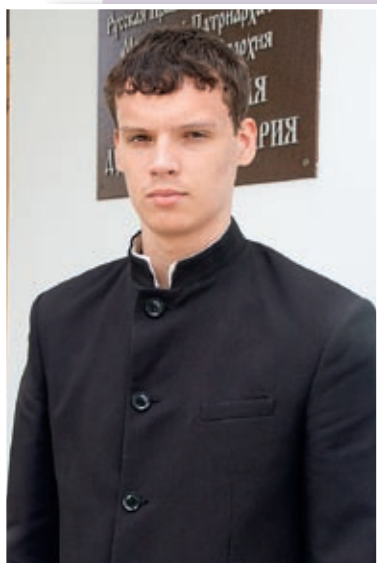
Чем же отличаются путешествия, которые мы называем туристическими, экскурсионными, от паломничества?

Под туризмом сегодня принято понимать вид путешествий, совершаемых для отдыха и самообразования. «Паломничество», читаем в энциклопедическом словаре, — это странствие верующих по святым местам, для поклонения святыням (у христиан, например, — в Иерусалим, Рим, у мусульман — в Мекку). Слово происходит от латинского *palma* — «пальма», названо по обычаю христианских паломников

привозить из Палестины пальмовую ветвь.

Цель любой туристической поездки — удовлетворение познавательных интересов, причём с оптимальным набором сервисных услуг. Цель паломничества — получение благодати Божией через поклонение святыням; это путешествие, при котором комфорт и удовольствия не имеют значения.

Люди выбирают паломничество, а не экскурсионные туристические поездки, чтобы не только увидеть красоты архитектуры, узнать подробности истории той или иной местности, но и прикоснуться к тайне, лицезреть места, помнящие святых, Самого Господа (Иерусалим, Вифлеем, Назарет)... В паломнической поездке можно хотя бы на время отрешиться от суеты, подумать о душе, помолиться о себе и близких людях.

*Александр Захрятин,
студент Нижегородской духовной
семинарии*

Паломничество — не религиозный туризм, но труд и подвиг

Наши современники зачастую отождествляют такие понятия, как туризм и паломничество, и это происходит от неправильного понимания сути последнего. Несмотря на то, что туристическое и паломническое странствия сходны между собой с внешней стороны, они имеют ряд существенных отличий. Паломник ставит себе целью поклониться святыне, устроить свой духовный мир, в то время как турист желает удовлетворить своё любопытство, развлечься, ближе ознакомиться с историей того или иного монастыря или храма, особенностями архитектуры, экспонатами церковного музея, и достигает этих целей благодаря экскурсиям и предлагаемой ему справочной литературы. Экскурсия может

быть составной частью и паломничества, но здесь не это главное.

К большому сожалению, в последнее время паломничество часто подменяется, если можно так выразиться, религиозным туризмом. Участвующие в нём люди не имеют внутреннего духовного настроя, должного благоговения, правильной цели и не получают той духовной пользы, какую могли бы обрести, если бы поехали к святому месту именно как паломники, на богомолье.

Отправляясь в паломничество, необходимо осознавать, что предстоит не обычное путешествие, не развлечение и не отдых, а духовный подвиг, труд души. В его основе лежит любовь к Богу и ближнему.

*Иван Евдокимов,
студент Нижегородской духовной
семинарии*

Турист и паломник: один путь — разные цели

Туризм и паломничество. Они схожи между собой внешне, но внутренне имеют принципиальные различия. Как по-разному оцениваются внешне одинаковые поступки людей, так и здесь — похожее не является тождественным по своей сути.

Приведу пример. Вот мы видим мужчину, бегущего по многолюдной улице с женской сумочкой в руке. Он может убежать с места преступления, украв эту сумочку, а может догонять женщину или девушку, забывшую сумочку в магазине. В одном случае этот поступок — нарушение заповеди Бога о запрещении воровать. В другом — выполнение заповеди Господа о любви к ближнему. Идентичные внешне, для стороннего взгляда, действия человека являются абсолютно противоположными по смыслу на самом деле.

Так же отличаются турист и паломник — разной внутренней мотивацией. Турист уезжает из дома, имея цель отдохнуть, получить яркие впечатления

от посещения необычных и уникальных мест. Можно сказать, он хочет духовно расслабиться. Паломник же начинает свой путь с целью духовно обогатиться. В поездке, в пути своём он стремится не столько получить необычные впечатления, сколько приобщиться той святости, благодати, которая присуща святым местам. Паломник старается проводить своё странствие в духовном напряжении, в молитве, в общении с Богом.

Сейчас святые места посещают и туристы, и паломники. Одни едут для того, чтобы интересно провести время, в лучшем случае — чтобы культурно обогатиться. Другие стараются улучшить своё духовное состояние, углубиться в молитву, приобщиться к опыту святости. Для этого и перед совершением паломнической поездки, по моему мнению, необходима некоторая внутренняя духовная подготовка, хотя бы — искренняя и внимательная молитва.

*Вадим Басюк,
студент Нижегородской духовной
семинарии*

«Подводные камни» современного паломничества

В последнее время паломнические поездки стали весьма распространённым явлением в православной среде. Большое количество как церковных центров, так и светских туристических фирм, имеющих материальный интерес, предоставляют людям свои услуги. Благодаря этому, практически каждый православный человек со средним достатком может посетить большинство наиболее известных святых мест России и зарубежья: Валаам, Соловки, Дивеево, Святую землю, Афон... Но для христианина важно всякое дело совершать с рассудительностью и осторожностью, намереваясь получить духовную пользу, не понести ущерб для своей души. Многие современные паломнические туры по духу своему — туристические. На первом месте стоят вопросы удобства и комфорта: где жить, как питаться, комфортный ли транспорт, удобный ли распорядок дня

и так далее. Духовная составляющая умалется или отодвигается на последний план. В организации подобного рода паломничеств наблюдается потребительский характер и ориентация на развлечения.

Другая опасность кроется в том, что в среде православных людей нередко встречается чрезмерная увлечённость паломническими поездками — в ущерб своим обязанностям. Всё хорошо в меру. Но когда человек оставляет дом, семью, свой приход и отправляется в бесконечные странствования по святым местам, ища там восхищений и «озарений», его духовная жизнь уклоняется от истинного пути.

Паломничество — это духовный подвиг, он не должен подменяться и искажаться, и в нём нельзя нарушать меру. Только тогда поклонение святым местам будет спасительным и богоугодным делом.

Места освящённые.

Из истории паломничества

*Иеромонах Лаврентий
(Собко),*

*преподаватель Нижегородской
духовной семинарии*

Родные пенаты, лары и гении

С древних времён люди придавали особое значение определённым местам, устраивали в них святилища, приходили издалека, чтобы увидеть их и прикоснуться к неведомому. Каждому современному человеку известен Стоунхендж, египетские пирамиды, Акрополь, Дельфийский оракул, Фивы... Когда-то они были исключительно местом паломничества, сейчас — уже больше туристический аттракцион. Поклонение святым местам — характерная черта и современных религий: мусульмане совершают хадж в Мекку и Медину, буддисты поклоняются местам, связанным с жизнью Будды, ламаисты устремляются в Лахсу, индуисты — к Праяге

и Варанаси. Религиозное паломничество у язычников связано, как правило, с каким-либо чудесным событием, или фактом из жизни основателя религии, или с некими артефактами — статуями, камнями, изображениями. В японском синтоизме — одной из самых ярких сохранившихся до наших дней языческих религий — прямо утверждается, что у большинства мест есть свои особые духи-божества «ками». Следовательно, для общения с тем или иным духом нужно посетить место его обитания. Похожими качествами наделяли своих божеств древние римляне: у них также были боги мест — лары, и боги, избираемые покровителями семьи, — пенаты. У каждого человека подразумевался личный бог-покровитель, называемый

Религиозное паломничество у язычников связано, как правило, с каким-либо чудесным событием, или фактом из жизни основателя религии, или с некими артефактами — статуями, камнями, изображениями.

«гений»¹. К божествам мест можно было отправиться в паломничество и принести жертву.

Описанная выше картина в некоторых своих чертах, особенно если смотреть со стороны, поразительно похожа на обычаи и традиции православного христианства. У нас также есть почитаемые святые места, мы избираем для себя святых покровителей и нередко связываем молитвенное обращение к тому или иному подвижнику с его «специализацией». По крайней мере, многие язычники, проживающие на территории России, не видят разницы, не видят её и, например, протестанты или мусульмане. Так что же, её нет на самом деле? Попробуем разобраться...

«И да созиждутся стены Иерусалимские»

«Благословен Господь от Сиона, живущий в Иерусалиме!» (Пс. 134: 21) — указывает Бог устами царя Давида место Своего обитания. Сам всемогущий Творец неба и земли помещает Себя в пределы одного города и одного храма. Это ли не странно? Такое ограничение и умаление себя со стороны любящего Бога служило цели прежде всего педагогической: ради спасения избранного народа, с тем чтобы не случилось поклониться Ему в любом языческом капище заодно с другими богами², небесный Отец даёт людям особое место — иерусалимский храм — и даже видимым образом низводит на него Свою благодать. При этом отсутствие в Святой Святынях каких-либо изображений или статуй не позволяло ветхозаветным иудеям унести своего

Бога «домой» и придать ему местечковые и откровенно языческие черты. Приходя в Иерусалим, правоверный иудей шёл по пути истинного богопознания и уверялся, что Бог его — невидим и непостижим.

Сам Господь наш Иисус Христос в возрасте двенадцати лет отправляется вместе с родителями в паломничество, во дни Своей земной жизни Он не раз путешествует и приходит на разные праздники. Евангелист Лука замечает однажды, что Иисус «имел вид путешествующего в Иерусалим» (Лк. 9: 53), то есть был одет в одежду паломника. Апостол Павел через двадцать пять лет после смерти и воскресения Иисуса Христа считал своим долгом совершить паломничество в Иерусалим, хотя это было связано для него с опасностью для жизни (Деян. 20: 16).

Будучи местом для поклонения и образцом истинной веры, иерусалимский храм являлся ещё местом

и для обучения, и для совершения подвига веры. О подобном обучении рассказывает нам Священное Предание, описывая земную благочестивую жизнь Пресвятой Богородицы, говоря о том, что она «слагала в своём сердце» слова Божии.

«Павел сказал Варнаве: пойдём опять, посетим братьев наших по всем городам...»

Именно этот мотив — научиться от других христиан благочестию и перенять их духовный опыт — мы находим в паломничествах первых христиан. Так, знаменитые Афанасий Великий и Иоанн Златоуст направляются в пустыню, чтобы увидеть столпников. За поучением и знаниями отправляется в Палестину и блаженный Иероним. Позже он создаёт целую общину паломников. Эта община состоит из сомневающихся и колеблющихся, которые изучают святые места под его руководством. Такое христианское паломничество

1 Известный культ императора как раз и состоял в том, что почитался не сам император, а его «гений».

2 Пример такого поклонения можно найти в Римской империи: некоторые историки сообщают, что в пантеоне (святилище всех богов) в первом веке христианской эры было изображение Христа, которого римляне таким образом пытались «ассимилировать».

Сам Господь наш Иисус Христос в возрасте двенадцати лет отправляется вместе с родителями в паломничество, во дни Своей земной жизни Он не раз путешествует и приходит на разные праздники.

описывает в своём «Лавсаике» Палладий, будущий епископ Еленопольский: «Для благочестивой цели с великим усердием обошёл я пешком многие города и весьма многие сёла, также пещеры и все пустынные кущи иноков... и просил преподавать мне первоначальное наставление в монашеской жизни». Часто даже уже нашедшие свой путь к Богу аскеты для укрепления в подвиге ходили по святым местам. Пустынник Нитрийской пустыни Иоанн говорил своим ученикам: «Места святые своею благодатью укрепляют меня». Многие из подвижников, например, Исаак Сирийский, совершали многодневные путешествия к другим святым ради ещё большего совершенства о Господе. Рассказывают, что рядом с местом подвигов св. Симеона Столпника образовывались целые

«Павел сказал Варнаве: пойдём опять, посетим братьев наших по всем городам. . .»

Именно этот мотив — научиться от других христиан благочестию и перенять их духовный опыт — мы находим в паломничествах первых христиан.

поселения, с гостиницами, лавками, торговцами и, конечно, стекавшимися отовсюду людьми, жаждущими совета и утешения.

В вышеприведённых примерах можно увидеть поразительный контраст, отличающий христианское паломничество от языческого поклонения месту или предмету. Показательно, что сама евангельская проповедь является разрушительной для языческих традиций. Так, в Деяниях читаем, что проповедь апостола Павла стала причиной волнений в Эфесе, где, по древнему поверью, упала с неба статуя Артемиды. Святое Евангелие, возвещаемое апостолом, отвратило от язычества многих местных паломников и тем самым нанесло урон изготовителям серебряных статуэток. Тот же святой апостол Павел, выступая в афинском ареопаге, смело говорил, что «Бог, сотворивший мир и всё, что в нём, Он, Господь неба и земли, не в рукотворённых храмах обитает» (Деян. 17: 24).

Перемена места не приближает к нам Бога

В первые три века христианства мы во все не находим упоминаний о паломничествах к святым местам. По этому поводу языческие философы даже обвиняли древних христиан в «атеизме» — ведь

христиане не связывали почитание своего Бога с определённым местом, городом, священной рекой, колодецем или рощей, чудесной статуей или изображением, и соответственно, как казалось язычникам, не признавали существование сверхъестественного мира с его многочисленными духами и божествами.

Но вот в IV веке, как узнаём мы из церковной истории, святой Григорий Богослов уже высказывается против чрезмерного увлечения паломничествами, считая, что паломники совершают путешествия часто из праздного любопытства и при этом впадают в искушения. В это же время святой Григорий Нисский пишет, подобно своему брату: «Господь не заповедовал путешествия в Иерусалим как доброго дела... Перемена места не приближает к нам Бога. Где бы ты ни был, Господь придёт к тебе, если обитель души твоей окажется такова, чтобы Господь мог вселиться в тебя и ходить».

На истинный смысл паломничества спешит указать и святой Мелитон Сардийский: «Иерусалим земной был ценен, но обесценился, благодаря Иерусалиму вышнему... Ибо не в одном месте и не на малом участке земли пребывает слава Господня, но во всех пределах земли изливается благодать Его». Что же так взволновало первых учителей Церкви, что они поспешили напомнить о сущности христианской жизни? Какое событие произошло?

Обретение Креста Господня Событием, наводнившим Палестину паломниками и взволновавшим даже каппадокийских отцов, стало

Христиане не связывали почитание своего Бога с определённым местом, городом, священной рекой, колодецем или рощей, чудесной статуей или изображением, и соответственно, как казалось язычникам, не признавали существование сверхъестественного мира с его многочисленными духами и божествами.

обретение императором Константином Креста Господня. Епископ и известный церковный историк Евсевий Кесарийский так повествует о деяниях равноапостольного базилевса: «Император, возлюбленный Господом, предпринял... работу, также достойную внимания, в провинции Палестины... Ему казалось, что это был его долг построить памятник, достойный почитания, на самом благословенном месте, на месте Воскресения Спасителя в Иерусалиме. Итак, он отдал приказание построить дом молитвы, но без помощи Божией, но вдохновлённый на это дело духом Самого Спасителя». Дело, начатое императором Константином, привлекло к себе многих последователей, и Святой город на долгие годы стал местом «археологических» раскопок, местом обретения множества реликвий. Вот, например, читаем в путевом дневнике итальянского паломника VI века: «Мы прибыли в базилику Святого Сиона (церковь Святых Апостолов на Сионе), которая содержит много замечательных вещей, включая краеугольный камень, который, как сообщает нам Библия, был отвергнут строителями (Пс. 118, 22). Господь Иисус Христос пришёл в храм, который был домом святого Иакова, и нашёл этот выброшенный камень, который лежал поблизости. Он взял камень и положил его в углу. Вы

можете поднять камень и подержать его в руках. Если приложить его к уху, то слышен шум многолюдной толпы. В этом храме есть столб, к которому был привязан Господь и на котором чудесным образом сохранились следы. Когда Он был привязан, Его тело плотно соприкасалось с камнем, и вы можете видеть отпечатки Его рук, пальцев и ладоней. Они настолько ясны, что вы можете сделать копии из ткани, которые помогают при любой болезни, — верующие, одевая их на шею, получают исцеление... Сохранились многие из тех камней, которыми убили святого Стефана, и основание креста из Рима, на котором был распят святой апостол Пётр. Есть чаша — святые апостолы использовали её для совершения литургии после Воскресения Христова, и много других замечательных вещей, которые трудно перечислить. В женском монастыре я видел человеческую голову, хранящуюся в золотом реликварии, украшенном драгоценными камнями, — говорят, что это голова

святой мученицы Феодоты. Реликварий представляет собой чашу, из которой многие пьют, чтобы получить благословение, и я также причастился этой благодати».

«Покаяния отверзи ми двери»

И всё же, не напрасно ли Господь открыл нам Свои святыни, не ошибается ли в богоугодности сего епископ Евсевий, не стало ли обилие «реликвий» соблазном для христиан? Где же нерукотворные храмы? Где Небесный Иерусалим? Не умалило ли обилие святых высоту христианского учения?

На эти и другие вопросы, подобные им, ответ можно найти непосредственно в Евангелии. В нём мы читаем о том, что Господь не к святым пришёл, а к грешным, и желает спасти немощных даже более, чем совершенных. Одни из согрешивших Божиим удостоились слов похвалы «Вера твоя спасла тебя!», других же Он посылает к священникам, или в храм, или омыться в источнике. Вот перед нами два одинаковых, с виду, слепца — одному из них сразу же отверзаются очи, а для другого требуется «брение», чтобы почувствовал он, как омывается от грехов.

Итак, из слов Священного Писания видим, что паломничество и приобщение к веществу святыни служат для многих новоначальных и немощных в вере необходимым и даже обязательным подспорьем.

Христос через внешнее путешествие премудро привлекает заблудших детей Божиих к внутренней (духовной) красоте. О таком чудесном преображении во время паломничества повествует нам житие преподобной Марии Египетской: «И вот однажды

Событием, наводнившим Палестину паломниками и взволновавшим даже каппадокийских отцов, стало обретение императором Константином Креста Господня.

увидела я толпу людей из Египта и Ливии, направлявшихся к морю. Я спросила у кого-то, куда они спешат. Тот мне ответил, что они отплывают в Иерусалим на праздник Воздвижения Креста. Я отправилась вместе с ними, не имея ничего, чем могла бы заплатить за переезд и пропитание. Я была уверена, что моё распутство доставит мне всё нужное, и потому с бесстыдством пристала к молодым людям и с ними взошла на корабль. Я утопала в мерзостях на пути и то же, если не более, делала в Иерусалиме. Наступил праздник Воздвижения Креста. Все шли в церковь. Пошла и я с другими и вошла в притвор. Но когда я дошла до дверей, невидимая Божия сила отбросила меня от входа. Все входили, и никому никто не препятствовал, а я три, четыре раза пыталась войти в храм, и всякий раз невидимая рука не допускала меня, и я оставалась в притворе. В смущении я стояла в углу притвора и думала, по какой вине я не могу войти в храм

Божий. Спасительная сила Божия озарила, наконец, мои душевные очи, и я всё поняла, когда бросила взгляд на мерзость моей прошедшей жизни. Плача, я ударяла себя в перси и горько стенала. Наконец, рыдая, я подняла глаза и увидела на стене икону Божией Матери. Долго молилась я Небесной Владычице, чтобы Она смиловалась надо мной, великой грешницей, и открыла мне вход во святой храм. Потом с трепетом и надеждой я пошла к дверям церкви, и меня более уже не удерживала никакая сила, так что я могла вместе с другими войти и поклониться Животворящему Кресту. Из этого я ясно убедилась, что Бог не отвергает кающегося, как бы грешен он ни был». Так, всего лишь праздное любопытство принесло, действием Божиим, плоды, которые предлагаются теперь уже всей Церкви в святые дни Великого поста.

Столь же примечательна и повесть о грузинском святом Давиде Гареджийском: «После многих лет

подвигов в Иверии он возымел пламенное желание увидеть святой град Иерусалим. Он отправился в паломничество ко Святой земле, но после многотрудных странствий, увидев издали Иерусалим, св. Давид со слезами пал на землю и сказал своим спутникам: „Не могу отсюда идти далее, поскольку считаю себя недостойным приблизиться к святым местам. Посему идите туда вы одни и принесите за меня, грешного, молитвы у Святого Гроба Господня“. Братия, облобызав святого Давида, оставили его и ушли поклоняться святыням. Давид же взял на том месте, где остановился за стенами города, камень, как будто он был взят им от Гроба Господня, положил его в корзину и пошёл обратно, к себе в монастырь, в Иверию». Как повествует далее его житие: «Всеблагий Бог, видя такое его смиренномудрие, благоволил явить людям его святость и веру. Когда преподобный возвратился в монастырь и положил там камень, от него стали являться чудеса: с верой лобызая его, многие немощные и страждущие исцелялись».

Со временем паломничество стало непременным атрибутом христианского делания: одни из христиан становились странниками, другие принимали подвиг страннопаломничества. «Она с радостью сделалась паломницей здесь на земле, — пишет в 650 году некий

Из слов Священного Писания видим, что паломничество и приобщение к веществу святых служат для многих новоначальных и немощных в вере необходимым и даже обязательным подспорьем.

Со временем паломничество стало неременным атрибутом христианского делания: одни из христиан становились странниками, другие принимали подвиг странноприимничества.

монах Валерий о блаженной Этерии из Бордо, — чтобы получить свою часть наследства в Царствии Небесном и быть принятой в общество дев и славнейшей Царицы Небесной Марии, Матери Божией. ... В те дни... блаженная дева Этерия, воспламенившись желанием достичь благодати Божией, поддерживаемая Божией помощью, с невозмутимым сердцем предприняла путешествие почти через весь мир. Под руководством Господа она достигла святых и желанных мест — рождения, страдания и воскресения Господа, пройдя через различные провинции и страны и посещая всюду многочисленные гробницы святых мучеников ради молитвы и духовного просвещения».

Вскоре объектом духовного подвига становятся и сами паломнические пути. Так, например, в местах остановок святого апостола Павла — на пути, по которому везли его в Рим на суд императора — были построены гостиницы. Многие города и селения, через которые пролегли паломнические маршруты, становились обителями для путешественников.

Радушие, с каким христианские общины обычно принимали странников, вызывало восхищение даже у язычников. Аристид в своей «Апологии» писал: «Увидев странника, они принимают его под своей крышей с такой радостью, будто и вправду встретили брата».

Вспоминая о праотце Аврааме, принявшем ангелов, и стремясь соделать услугу самому Спасителю, многие христиане всю свою жизнь полагали ради странноприимничества. В том же Лавсаике читаем о некоем чудесном старце: «Он выходил на дорогу,

ведущую от священного Иордана ко святому граду, взяв с собою хлеба и воды. Замечал ли кого-либо утомившимся — он брал его ношу и провожал до св. горы Елеонской. Возвращаясь обратно по той же дороге, нёс тяжести других до Иерихона. Можно было видеть иногда — то как старец обливается потом под большой тяжестью, то как несёт на плечах одного, а иногда и двоих отроков. Иногда он сидел за чинкой износившейся мужской или женской обуви, для чего брал с собою необходимые орудия. Одних поил водою, которую носил при себе, других кормил хлебом. Встречал ли нагого — снимал с себя одежду и отдавал ему. Можно было видеть, как он трудился в течение целого дня. Случалось ли ему находить мёртвого на дороге — он совершал над ним чин погребения и хоронил».

«Подвигучит, — писал расстрелянный в 1937 году священник Сергей Сидоров, — что есть места в мире, где особенно видна благодать Бога. Эти места освящённые, и, как мы ощущаем храм как земное небо, так отцы, посетившие Святую землю, знают её приобщённой к иному миру. „Молитва имеет силу открывать небо и приобщать землю к небу“, — говорит Симеон Солунский. А те места, где молился Господь, те места, где пролита Его кровь, где совершилась тайна Искупления, особенно святые, особенно овеяны вечностью, и, касаясь этих мест, паломники дотрагивались как бы до неба, освящались молитвами, некогда там звучавшими».

Лжеименитый мир ныне, как и прежде, стремится уловить нас и привлечь к себе. Видя наше тщеславие и любопытство, он даёт удобную возможность увидеть «все царства и славу их». Но и сегодня слышим мы слова близкого нам по времени угодника Божия: «Здесь вам и Лавра, здесь и Иерусалим!», напоминающие, что самое большое чудо и самый большой дар — Тело и Кровь Христовы — можем мы обрести в любой день и в любой церкви.

«Открыть дверь соловецкой тайны. И шагнуть»

В связи с темой паломничества, которая обсуждается на страницах этого выпуска журнала «Дамаскин», мы публикуем интервью с архимандритом Порфирием (Шутовым) – наместником Соловецкого ставропигиального мужского монастыря, куда стремятся тысячи паломников, желая поклониться святыням и прикоснуться душой к священным местам монашеского и мученического подвига.

— Отец Порфирий, как известно, большая часть вашей монастырской жизни прошла в стенах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Есть ли принципиальная разница между паломничеством в Лавру и Соловецкий монастырь?

— В Лавру можно попаломничать и на один день, и даже на полдня,

а на Соловки приезжать меньше, чем на три дня, смысла нет: расстояния в России — не географическая категория, а коренной фактор исторического развития.

Паломник в путешествии на островной монастырь сталкивается с необходимостью преодолевать «долготу путную и опасности моря», как об этом поётся в акафисте преподобным Зосиме, Савватию и Герману. Конечно, опасностей на этом пути теперь несравненно меньше, чем столетия назад, но Белое море остаётся сурово-ледяным и своенравным даже в месяцы летней навигации, и часто

на себе можно испытать истинность старой поморской поговорки: «Кто по морю не хаживал — тот Бога не маливал».

Удалённость и труднодоступность — причина особой тишины, в которую можно погрузиться на Соловках даже в пик паломническо-туристического сезона. Летом здесь — тысячи гостей, а в Сергиевой Лавре — десятки тысяч.

По той же причине на Соловки едва ли попадешь по недоразумению, как это бывает вблизи столичной рассеянности. Сюда, в дальний край, люди прибывают более подготовленными.

Паломничество — это всегда труд. И чем больше потрудится человек, тем больше он смирится и тем легче воспримет благодать при соприкосновении со святыней.

**Для многих Соловки стали местом встречи с Богом,
началом преображения души.**

Паломничество — это всегда труд. И чем больше потрудится человек, тем больше он смирится и тем легче воспримет благодать при соприкосновении со святыней.

— *Монастыри России, несмотря на свою обособленность от всего внешнего, мирского, не чуждались и общения с внешним миром. Насколько тесно связана жизнь монастыря с паломничеством? В целом, можно ли сказать, что паломничество является отчасти поддержкой монастырю, или, напротив, — проблемой?*

— Паломничество имеет значение прежде всего для совершающих его людей. Хотя бы и краткое приобщение

к жизни монастыря, история которого складывалась из веков монашеского подвига и десятилетий мученичества, зачастую становится поворотным событием в жизни. Для многих Соловки стали местом встречи с Богом, началом преображения души.

С точки зрения монастыря, это его святая обязанность — встретить, приютить, накормить паломников, поисповедовать их, познать со святынями. Насельникам в этом их служении нельзя никогда забывать, что они здесь — только привратники и служители; хозяева же — соловецкие святые. К ним-то и приходят паломники-поклонники,

а вовсе не к нам. Но нам дано становиться служителями того, чтобы человек совершал шаг своего духовного преображения. А может ли быть что-нибудь выше, важнее и радостнее этого на земле?

— *Соловецкий монастырь известен не только как место монашеского и мученического подвига, прославленное святыми. Он является также живым свидетелем весьма важных исторических событий и представляет собой и культурную ценность. Ощущается ли разница между приезжающими паломниками и туристами?*

— Разница, конечно, есть. Но абсолютное большинство соловецких туристов — это культурные образованные люди. Граница часто стирается, и нередко человек, впервые побывавший в монастыре в составе туристической группы, возвращается сюда вновь и вновь уже в качестве богомольца, трудника, а то и насельника.

Случаются среди туристов и те, кто своим присутствием нарушает и оскорбляет святость Соловков. Это, по большей части, безудержные искатели развлечений. Мне их искренне жаль, потому что такие не только бездарно прожигают данную им свыше возможность для самоуглубления, но и рискуют навлечь на себя Божий гнев.

В книге «Погружение во тьму» бывшего соловецкого узника Олега Волкова есть следующее размышление:

...Много лет спустя, в начале шестидесятых годов, несколько знакомых учёных усиленно уговаривали меня примкнуть к их туристской поездке на Соловки. Я отказался. Из-за ощущения, что этот остров можно посещать, лишь совершая паломничество. Как посещают святыню или памятник скорбных событий, национальных тяжких дат. Как Освенцим или Бухенвальд.

Суетность туристской развлекательной поездки казалась мне оскорбительной, даже для моих пустыковых испытаний... Или следовало поехать? И указывать своим спутникам: «Здесь агонизировали мусаватисты... А тут зарыты трупы с простреленными черепами... Недалеко отсюда, в срубе без крыши, сидели зимой босые люди. Босые и в одном белье. А в летние месяцы ставили на комары... А вот тут, под берегом, заключённые черпали воду из одной проруби и бегом неслись вылить её в другую... Часами, под лихую команду: „Черпать досуха!“ — и щедрые зуботычины»...

— Какие места Соловков являются излюбленными для паломников?

— Думаю, Соловки воспринимаются паломниками как нечто цельное. Как Святая земля или Афон. Потому что впечатления при передвижении от одного святого места к другому не противоречат, но дополняют друг друга. Сплошной «зелёный

антиминс», по слову о. Иоанна Крестьянкина. Живая череда ландшафтов, чарующие морские и небесные дали, пустынная тишина — всё вместе переполняет душу, приводит её в восторг. Вряд ли можно выделить из этой непрерывной линии, из той тайны, которая называется паломничеством на Соловки, нечто более значимое, излюбленное.

— *Соловецкий монастырь уже по своему местоположению создаёт впечатление особо строгой уединённой жизни его насельников. Есть ли сегодня на территории обители места совершенного уединения, закрытые для паломников?*

— Мест совершенного монашеского уединения пока нет, хотя они, безусловно, необходимы как важнейшее условие правильного иноческого становления. Есть скиты, устав которых предусматривает ночные богослужения. Таковы Голгофо-Распятский, Савватьевский и Свято-Вознесенский скиты.

— *Паломничество в целом является одной из важнейших традиций русского православия, но здесь, очевидно, она пересекается с обычаями монашеской жизни. Какое место занимает паломничество в жизни братии Соловецкого монастыря: ездят ли насельники в паломничество сами или, с точки зрения монастырских традиций, это недопустимо?*

— Устав нашего монастыря предусматривает возможность паломнических поездок для насельников. Так, братия бывали и на Святой земле, и у святителя Николая Чудотворца в Бари, и на Афоне. Духовный плод от этих поездок всякий раз был очень весомым. Необходимо лишь заботиться о том, чтобы паломничество стало временем духовного труда, а не праздности и рассеянности. Поэтому паломничество вряд ли можно и нужно совершать часто, чтобы не утратить духовную глубину его и пользу.

Буквально на днях я вернулся из паломнической поездки в Саров, где принимал участие в освящении воссозданного храма в честь преподобных

Необходимо лишь заботиться о том, чтобы паломничество стало временем духовного труда, а не праздности и рассеянности. Поэтому паломничество вряд ли можно и нужно совершать часто, чтобы не утратить духовную глубину его и пользу.

Зосимы и Савватия. Молился в этом храме, передал возрождающейся обители благословение от соловецкой братии и икону с мощами Соловецких чудотворцев.

— *Вы только что упомянули о событиях 26 мая, освящении храма в честь Соловецких святых в городе вашего детства. Что изменилось в нём, каковы ваши впечатления от поездки?*

— Я всем сердцем благодарен и городу, и родителям, и своей стране

за то детство, которое они дали мне. Конечно, это была иная эпоха — 70-е годы XX века. Сегодня я понимаю многих умных и совестливых людей, которые с ностальгией вспоминают то время. Но это слишком обширный вопрос, чтобы ответить на него в двух словах: тут требуется сравнить две разные эпохи — по существу, два разных народа.

— *Планируете ли вы в ближайшее время ещё посетить Нижегородскую землю?*

— На 18 ноября намечено открытие Дней Соловков в Нижнем Новгороде. Это духовно-просветительский проект, в рамках которого мы представим масштабные выставку и концерт, призванные поведать величественную историю Соловецкого монастыря. Кроме того, будут прочитаны публичные лекции по многоплановой соловецкой тематике.

— *Отец Порфирий, как наместник монастыря, что вы хотели бы пожелать его посетителям?*

— Пожелал бы каждому посетителю обители найти «ключ», с помощью которого открыть дверь соловецкой тайны и шагнуть за эту дверь — и обогатиться тем подлинным — небесным — богатством человека, которое, как о нём сказал Спаситель в Евангелии, никогда не утратится, никогда не погибнет — ни от ржавчины, ни от воров (Мф. 6: 19–20).

Паломничество в Соловецкую обитель

Паломничество в Соловецкую обитель в летнее время, в период навигации, связано с морскими путешествиями от Кеми либо от Архангельска. С октября по начало июня гости Соловков пользуются авиалинией Архангельск (Васьково) — Соловки, которая действует также и летом.

Пребывание в монастыре и на островах обустроено в соответствии с распорядком, установленным наместником монастыря. Желающие прибыть на Соловки всегда могут обратиться к представителям монастыря по делам паломничества.

В связи с тем, что в летнее время Соловки посещает множество гостей, паломническая служба монастыря убедительно просит всех, желающих приехать в обитель, предварительно обращаться по предоставленной контактной информации для получения благословения на проживание в гостиничных корпусах монастыря.

Контактные адреса и телефоны:

164070, Архангельская обл.,
пос. Соловецкий,
Соловецкий монастырь.
Паломническая служба
Соловецкого монастыря.

Моб. тел. +79115758310;
e-mail: palomnik@solovki-monastyr.ru,
palomnik_05@mail.ru.

Тел: 8-(818-35-90)-380,
8-(818-35-90)-298 дежурный
братского корпуса (спросить
паломническую службу),

факс: 8-(818-35-90)-378.

В паломничество — за благодатью и просвещением

Интервью с иереем Виталием Грудановым, руководителем Паломнического центра Нижегородской митрополии

— Отец Виталий, расскажите, пожалуйста, подробнее о Паломническом центре Нижегородской митрополии. Каковы цели и задачи его создания, что он готов предложить людям, желающим посетить святые места?

Паломнический центр Нижегородской епархии (ныне — митрополии) был создан около восьми лет назад, по благословению тогда ещё епископа Нижегородского и Арзамасского, а ныне митрополита Георгия. Паломническая служба объединила в себе все возможности по предоставлению православным нижегородцам и гостям епархии посещения святых мест России, а также ближнего и дальнего зарубежья. Кроме того, Паломнический центр

является миссионерским проектом, направленным на духовное просвещение людей, пользующихся его услугами. Совершая паломничество к святым местам, где особо присутствует благодать Божия, человек имеет прекрасную возможность соприкоснуться с глубокой и значимой духовной культурой Православия и получить благодать тех святых мест, ради поклонения которым он предпринимает паломничество.

Наш центр предлагает всем желающим совершить паломничества, формат которых может быть различным. Мы организуем паломнические поездки как групповые, то есть в определённые дни, по заранее установленному маршруту, целой группой (в сопровождении экскурсовода или священника), так и индивидуальные. Индивидуальные паломнические туры не пользуются большим спросом, однако наш центр

при необходимости предоставляет и такую возможность, и мы готовы организовать паломническую поездку для одного человека, семьи или группы из трёх-четырёх человек. Программа такой поездки составляется в соответствии с пожеланиями клиента и носит индивидуальный характер. Она отличается от тех, которые в общем порядке предлагаются нашими менеджерами; такие паломнические туры предполагают индивидуальное сопровождение представителем нашего центра — как правило, гидом. Иногда мы организуем паломничества для детей. Программа детской паломнической поездки формируется также исходя из пожеланий заказчика.

— Какую профессиональную подготовку должны проходить экскурсоводы и старшие паломнических групп? Какими качествами должны обладать эти люди?

Все сотрудники Паломнического центра, как менеджеры, так и экскурсоводы, проходят специальную подготовку. Скажем, в нынешнем году на базе

Нижегородской духовной семинарии были организованы курсы для экскурсоводов. С помощью этих курсов мы не только готовим наших сотрудников как специалистов в области туриндустрии, но и знакомим их с особенностями работы именно в паломническом сегменте туристического бизнеса. Такая подготовка предполагает наличие в центре сотрудников, которые позиционируют себя как верующие православные люди. Это не является для всех обязательным условием работы в нашем паломническом центре, но так сложилось, что воцерковлённых людей у нас большинство, что помогает нам решать миссионерскую задачу.

Стоит отметить, что особо значимые поездки, такие как паломничества на Святую землю, к святыням дальнего зарубежья, предполагают сопровождение группы православным священником Нижегородской митрополии, благословение на такое послушание даёт сам митрополит Георгий. Этот опыт является положительным, поскольку в составе паломнической группы, как правило, собираются люди с разной степенью воцерковлённости, и во время путешествия у них непременно возникают вопросы о вере и Церкви. Сопровождающий их священник оказывает должное внимание всем паломникам, помогает найти ответы на эти вопросы.

— *Чем, на ваш взгляд, принципиально отличается паломничество от туризма и как уберечь паломнические центры*

от тенденции превращения их в туристические конторы?

Наш паломнический центр является аккредитованным туроператором, внесённым в единый реестр туроператоров Ростуризма Российской Федерации. Этого требует российское законодательство. Несмотря на то, что многие принципы и методы работы паломнического центра сходны с принципами деятельности обычной туристической компании, работу паломнического центра во многом определяет его основная задача. Она заключается не в привлечении прибыли, а в миссионерской идее просвещения людей

через паломничества к святым местам, через прикосновение их к богатейшей духовной культуре Православия. Если мы будем ставить во главу угла увеличение числа доходов, то вся наша деятельность превратится только в бизнес, и Господь не будет давать благословения на наши труды. В этом заключается основное отличие паломнического центра от туристической компании. Мы стараемся с вниманием и пониманием подходить к каждому человеку, чтобы приходящий сюда ощутил, что эта организация церковная, она действует по благословению правящего архиерея, а значит вся её работа осуществляется в соответствии с церковными традициями и канонами.

— *Какие особенности имеют зарубежные паломнические туры? Что важно учитывать при их организации?*

Особенности организации зарубежного паломничества во многом совпадают с особенностями организации любой заграничной поездки. Это касается прежде всего таможенных и визовых вопросов, оформления страховых полисов и договорных обязательств с нашими клиентами, поскольку организация зарубежного тура предполагает большую ответственность для оператора. Говоря именно о зарубежном паломничестве, стоит отметить, что мы учитываем церковные праздники

и периоды поста, особые дни памяти святых или почитания икон того региона, той страны, куда организуем поездку.

Мы стараемся найти подход к каждому нашему паломнику при возникновении сложных ситуаций или спорных вопросов об отмене оплаченного тура, стремимся найти возможность возврата вложенных и нерезализованных средств.

— *Отец Виталий, что вы можете пожелать будущим клиентам Паломнического центра Нижегородской митрополии?*

Всем нашим будущим клиентам я бы пожелал найти для себя то святое место, куда бы стремилась душа, для причащения её Божественной благодатью.

Офисы Паломнического центра

Ул. Варварская, 40, оф. 411
Тел.: (831) 419-64-77,
419-55-85,
421-49-70

Время работы: 10.00–18.30,
суббота 10.00–15.00,
воскресенье выходной

Православный просветительский центр в честь святителя Николая при храме св. Татианы

Ул. Дьяконова, 15а
Тел.: (831) 298-17-99
Время работы: 10.00–18.30, суббота
и воскресенье — выходные дни

E-mail: palomnik@nne.ru

Церковные лавки,
в которых можно
приобрести билеты
на поездки

Сормовский район

Спасо-Преображенский собор,
церковная лавка,
ежедневно с 10.00 до 17.30

Канавинский район

Собор св. блг. кн. Александра Невского,
ежедневно с 9.00–18.30

Церковная лавка в ТЦ «Республика»
(Московский вокзал), цокольный этаж,
ежедневно с 11.00 до 20.00

Бор

Храм Успения Божией Матери
(ост. Рынок),
ежедневно с 7.00 до 19.00

Дзержинск

Магазин «Мир православной книги»,
пр. Ленина, д. 43
Тел.: 8 (8313) 255-954

Павлово

Приход Воскресенской церкви
Тел.: (83171) 2-12-68,
8-93070-2-12-68

Выкса

Магазин «Мир православной книги»,
ул. Красные Зори, 28
Тел.: 8 (83177) 613-80

21
апреля

Студенты Киевской духовной академии и семинарии посетили нижегородскую духовную школу

В дни Пасхальной седмицы Нижегородскую епархию посетила группа студентов Киевской духовной академии и семинарии. Целью визита стало участие в Пасхальном хоровом соборе. Кроме того, хор под управлением игумена Романа (Подлубняка) дал концерт духовной музыки в здании филологического факультета Нижегородского государственного университета.

По приглашению проректора нашей духовной школы — протоиерея Александра Мякина — украинские семинаристы посетили с экскурсией и Нижегородскую семинарию, и храм во имя Святителя Алексия, митрополита Московского. Гостям показали учебные классы, библиотеку, новый актовый зал, пригласили в трапезную.

18
мая

Делегация Русской Православной Церкви Заграницей

18 мая Нижегородскую духовную семинарию посетила делегация Русской Православной Церкви Заграницей. В состав делегации вошли Первоиерарх РПЦЗ — митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Иларион, первый заместитель председателя Архиерейского Синода — архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк, архиепископ Женевский и Западно-Европейский Михаил. В качестве представителя Московского Патриархата зарубежных гостей сопровождал архиепископ Виленский и Литовский Иннокентий.

Свой визит члены делегации начали с осмотра семинарского храма в честь Святителя Алексия, митрополита Московского. Ректор семинарии — митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий — показал гостям интерьер храма и рассказал о его святынях. После осмотра храма архипастыри посетили духовную школу, где встретились со студентами и преподавателями. Они рассказали собравшимся о жизни РПЦЗ, поделились своими воспоминаниями о событиях в годы юридического раскола между двумя русскими Церквями и об истории их объединения.

Протоиерей Андрей Березин

На послушании в трапезной

Весёлые семинаристы

Михаил Юрьевич Павлов

Доцент Александра Дмитриевна Кондратьева

Выпуск-2012

Вот и подошли к концу пять лет, отведённые нам на обучение в стенах

Нижегородской духовной семинарии. Это довольно внушительный промежуток времени, пролетевший, однако, совсем быстро. И вот уже мы, вчерашние абитуриенты, сегодня являемся выпускниками. Так что же происходило с нами при прохождении всех пяти семинарских курсов и чем запомнится нам духовная школа Нижнего Новгорода?

В этот период своей жизни мы не просто получали образование, как это принято в светских высших учебных заведениях, мы прикасались к чему-то большему, знакомясь с непосредственным опытом жизни в Церкви, опытом жизни во Христе. На протяжении всех лет обучения нам дана была редкая возможность — проживать все горести и радости вместе, проводить совместную жизнь, подобно первохристианским общинам древности. При этом мы следовали советам опытных воспитателей: руководство семинарии и преподаватели, приглашённые гости, дежурные помощники, старшие товарищи и, конечно же, духовный наставник нашего курса, о. Андрей Торопов, — все они помогали нам не сбиться с истинного пути и не охладеть сердцем в своём желании послужить Матери-Церкви.

Для нас эти пять лет — время непосредственного участия в современной церковной истории, ведь мы пережили все важные события в жизни Нижегородской епархии, находясь в самой гуще их. Однако период, когда мы лишь получали, приобретали, впитывали всё, необходимое для духовного взросления, закончен. Теперь наступает следующая ступень, восходя на которую, мы сами призываемся к духовному служению: многие станут православными пастырями, кто-то будет подвизаться на благо Русской Церкви, не принимая сана, но все обязательно дадут в своей жизни ответ — на благо ли потратили драгоценные

годы обучения, отнесли ли серьёзно к полученным здесь духовным

и практическим наставлениям. И в этом

ключе хотелось бы предостеречь будущих абитуриентов относительно выбора именно семинарского образования. Это большая ответственность. Духовное образование не является всего лишь одним из многих путей получения знаний: на этом пути можно только кардинально поменять свою жизнь или, по крайней мере, её вектор. Входя в стены духовных школ, нужно чётко понимать, что этим поступком человек обязывает себя на служение в Церкви, каким бы нелёгким оно не оказалось. Однако если желающий учиться готов понести крест этого будущего послушания и осознанно стремится к нему, семинария откроется перед ним в образе настоящей *alma mater*, кормящей матери, которая предоставляет для воспитанников всё самое лучшее.

Вспоминая об этом, пробегая мысленно по всем пяти годам обучения, жизни здесь, хочется ещё и ещё раз выразить искреннюю благодарность всем, созидающим в этих стенах твердыню христианской жизни и богословского образования, а также помолиться Господу и Божией Матери о том, чтобы духовная школа Нижнего Новгорода всегда помогала ищущим найти в нашем суетном мире путь ко спасению через служение Церкви. Митрополит Георгий, наш ректор, первый проректор протоиерей Александр Мякинин, проректор по воспитательной работе иерей Сергей Ларюшкин, регент семинарского хора матушка Наталья Евгеньевна Мякина и все преподаватели, с которыми мы общались на протяжении нескольких лет, — навсегда останутся в сердце у каждого из выпускников, поскольку уделили столь много внимания нашему обучению и духовному воспитанию. Многая и благая вам лета, долгих лет жизни во славу Христа и на благо Матери-Церкви!

Виктор Плаксин

В последние годы происходит активное восстановление Русской Церкви после событий тяжёлого для неё XX века. Вновь расцветают монастыри, воздвигаются величественные храмы и, конечно же, с каждым годом увеличивается число семинарий, готовящих пастырей и служителей Церкви. Среди них духовная школа Нижнего Новгорода занимает видное место: она хорошо себя зарекомендовала, всем известен высокий уровень получаемого здесь образования, многие её преподаватели имеют общероссийскую известность, а литература, издающаяся на базе семинарии, не вызывает нареканий и всегда радуется безукоризненным качеством. Но всё это — внешняя сторона, то, как Нижегородская духовная семинария позиционирует себя по отношению к окружающему миру. Нам же, нынешним выпускникам, семинария открыта с другой, намного менее официальной стороны.

Невозможно в двух словах описать все замечательные годы, проведённые в стенах нашей духовной школы, ведь для каждого из нас это — целый период жизни, период важный и наполненный огромным количеством всевозможных событий. Что-то помнится отлично, какие-то моменты потихоньку забываются, но общее впечатление, когда размышляешь о родной семинарии, — это ощущение постоянной заботы, окружающей тебя, непрестанной опеки. Лекционные занятия, участие во всех событиях жизни семинарии и епархии, труд, послушания,

творчество, а также паломничества в известные монастыри, к местам молитвенного делания и подвигов святых — всё было нам во благо,

всё имело целью правильное воспитание будущих пастырей. В процессе образования мы встречались и имели общение со многими замечательными людьми — преподавателями и приглашёнными гостями, слушали истории из их жизни, погружались в быт прихода, с увлечением знакомясь со случаями из практики служащих священников. Всё это наделяло жизненным опытом и постепенно формировало мировоззренческие установки в каждом из нас. Достаточно ли мы были внимательны и усердны, много ли вынесем из ставших такими родными стен семинарии — это покажет наше будущее, однако нижегородская духовная школа навсегда останется для каждого школой жизни, где в отношении нас были приложены все силы для того, чтобы сделать нас пригодными к достойной пастырской деятельности.

Оглядываясь на весь процесс обучения и вообще пребывания в нашей семинарской общине, особые слова благодарности приносим нашему ректору — владыке Георгию и всем преподавателям и работникам духовной школы, ведь на всём хорошем, что понесём мы по жизни, что стало основой характера, воспитания, лежит отпечаток их трудов, внимания и любви к нам. Теперь мы — навсегда воспитанники Нижегородской духовной семинарии и будем дальше нести проповедуемое здесь учение. Спасибо вам за всё!

Григорий Кириллов

С волнением в душе я заканчиваю Духовную семинарию.

Пять лет нас готовили быть достойными и образованными будущими пастырями. И по окончании ждёт трудный и ответственный путь — путь пастырского служения.

Поэтому моя душа исполнена самых высоких чувств. Среди них — волнение и трепет. Всего пять лет назад я вошёл в стены семинарии и даже представить себе не мог, что так скоро наступит этот день выпуска. Но время пролетело очень быстро. И сегодня, кроме всего прочего, сердце замирает от противоположных чувств — радости в связи с завершением обучения и грусти от расставания с теми, кто меня окружал все эти годы.

Я очень благодарен семинарии за всё то, что она дала мне. Знания, духовный опыт — всё это, надеюсь, появилось благодаря незабываемым годам учёбы в этой духовной школе.

Я благодарен дорогому владыке ректору, столько сил отдающему нашему образованию и духовному возрастанию, а также всем преподавателям, научившим всему необходимому и подготовившим к служению Богу и Матери-Церкви.

Многая вам и благая лета!

Алексей Бордзеловский

В Нижегородскую духовную семинарию я перевёлся после трёх лет обучения в Хабаровской семинарии, окончив до этого Якутское духовное училище. Прочился я здесь один год. И, честно сказать, жалею, что всего лишь год. Тепло, забота начальствующих, преподавателей и сотрудников семинарии помогли мне освоиться на новом месте, и за это короткое время семинария в Нижнем Новгороде стала для меня родным домом.

Немало было трудностей, но уже сейчас особенно актуально вдруг зазвучали в душе слова преподавателей, которые говорили, что наступят дни, когда мы будем вспоминать с тоской и любовью время, проведённое в стенах духовной школы. Так оно и выходит. Грустно становится при мысли, что вот-вот мы расстанемся с родной семинарией... Здесь я получил опыт и знания, которые, надеюсь, сумею должным образом применить в будущей моей церковно-приходской деятельности. Я благодарен нашей администрации и преподавателям: они прилагали все усилия, чтобы укрепить нас в вере и дать знания, необходимые в пастырской практике.

За годы обучения в семинарии я многое понял, переосмыслил и сделал вывод, что учиться в духовной школе — это нелёгкий крест, неся который необходимо постоянно следить за своим поведением и внутренним миром. Нужно помнить, что ты — будущий пастырь, что люди смотрят на тебя, и не как на мальчишку в подряснике, а как на будущего священника, молитвенника, наставника. Поэтому я желаю всем, кто учится в семинарии, послушания и любви к начальствующим и братьям по духовной школе. Тем же, кто будет поступать, чтобы учиться в этих стенах, — не бояться сделать этот шаг. Если пришёл в семинарию, значит Господь выбрал тебя, и Он не оставит во время обучения и после окончания учёбы.

Преподобный Амвросий Оптинский на вопрос «Как жить?» отвечал: «Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем моё почтение... Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно, тогда наше дело будет верно, а иначе выйдет скверно». Так пусть эти слова будут и для всех семинаристов «золотым правилом» в жизни.

Максим Столяр

«От утра до вечера изменяется время, и всё скоротечно пред Господом» (Сир. 18: 26). Да, это действительно так, всё проходит скоротечно... Дни, месяцы, годы, так проходит и вся жизнь. Но для верующих людей это не является концом всего, напротив, — только началом вечной жизни. И то, как будет проведён довольно короткий отрезок времени под названием «жизнь», окажется залогом, заделом в нашей вечности. И здесь возникает вопрос: как нам, молодым людям, жить по евангельским заповедям, как можно спастись, когда везде и всюду — великое множество искушений и грехов. Вопрос действительно серьёзный...

И он решается вернее, если имеешь в своей жизни наставника, помощь со стороны человека, который может подсказать — как правильно поступить в сложной ситуации, как не ошибиться, сделать единственный выбор. В этом случае таких злободневных вопросов становится на порядок меньше. Духовная школа, и в этом я убедился на своём опыте, как раз и выполняет роль наставника, учителя во всём. Молодые люди, пришедшие сюда за знаниями, обретают ответы и на сложные духовные вопросы, что оказывает большое влияние на всю их последующую жизнь. Здесь встречаются единомышленники, появляются друзья, с которыми ты идёшь по жизни дальше, с которыми у тебя есть общие цели, общие взгляды. Всё это налагает отпечаток в наших сердцах, это — как посеять в землю семена, которые в дальнейшем принесут пользу, прорастут на благо нашей личной судьбы и жизни Матери-Церкви. Из стен семинарии мы выходим, имея основы духовной жизни и тех знаний, которые позволят нам помогать и другим людям, при их желании, конечно. И ни в коем случае нельзя эту зажжённую свечу, по евангельскому слову, ставить под сосуд, но — «на подсвечнике, чтобы входящие видели свет» (Лк. 11: 33).

Денис Смирнов

...По окончании школы долго и мучительно думал я, в какой вуз пойти учиться. Во все три вуза, куда подавал документы, проходил на бюджетное место. Но меня не покидала мысль, что всё это — не моё. Сердце подсказывало, что мне — прямая дорога в семинарию...

Когда меня просят рассказать о семинарии, то я начинаю с повествования о вступительных испытаниях, а именно — о собеседовании с членами приемной комиссии. Владыка ректор, архиепископ, а ныне митрополит Георгий попросил назвать... формулу фтороформальдегидной смолы. Моя первая мысль была: «я не поступил!» Поразила неожиданность такого вопроса, мне даже сложно было выговорить это слово... К моей великой радости, меня зачислили в ряды семинаристов.

Поступая в духовную школу, самонадеянно полагал, что всё знаю, будет легко, но уже через месяц занятий понял, что мои знания представляют собой «каплю в море». И уж никак не думал, что в семинарии мне придётся учить первый и второй закон термодинамики, онтологическое доказательство Ансельма Кентерберийского и так далее, и тому подобное... Церковная наука настолько обширна, что порой не разберёшься, где заканчивается общецерковная история и начинается византология.

Вспоминается вводная лекция ныне первого проректора семинарии протоиерея Александра Мякинина, его слова: «Сегодня вы сидите за партами, а завтра будете стоять у престола». И действительно,

время скоротечно: казалось бы, недавно только переживали на вступительных экзаменах, а сегодня — держим в руках дипломы об окончании нашей учёбы здесь. Ну что ж, впереди ещё — более серьёзные «экзамены» — целая жизнь!

Годы в семинарии можно сравнить с лестницей прп. Иоанна Лествичника, когда восходишь от малого к большому. Начинали с катехизиса, закончили апологетикой... Только к пятому курсу понимаешь величие и уникальность православного богословия.

Семинария научила нас многому, но главное — заложила основы для нашей духовной жизни. Огромная благодарность переполняет сердце, благодарность прежде всего ректору — владыке Георгию, который заботился о нас как о своих детях; протоиерею Андрею Кириллову, бывшему первому проректору в наши первые семинарские годы; проректору по учебной работе, ныне первому проректору, протоиерею Александру Мякинину, за его неограниченную любовь к воспитанникам семинарии; проректору по воспитательной работе — отцу Сергию Ларюшкину, который, любя нас и сочувствуя нам, порой прощал, чего греха таить, и «закрывал глаза» на некоторые наши «прегрешения».

Радость прожитых в семинарии лет, добрая память о них навсегда останутся в моём сердце. Дай Бог, чтобы, как и прежде, наша духовная школа была, как говорили в старину, «рассадником» духовного благочестия и образования.

Радость прожитых в семинарии лет, добрая память о них навсегда останутся в моём сердце.

Дай Бог, чтобы, как и прежде, наша духовная школа была, как говорили в старину, «рассадником» духовного благочестия и образования.

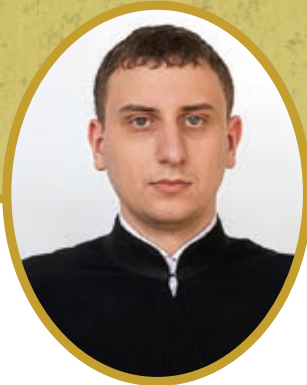

Антон Будников

После окончания мною 11-го класса школы, когда настало время войти во «взрослую жизнь», получить высшее образование, я поступил в Нижегородскую духовную семинарию. И не ошибся с выбором. В духовных школах обучают не только Закону Божию и догматике, как привыкли думать многие светские люди. В семинарии, в частности нижегородской, студент имеет возможность узнать намного больше, он изучает логику, историю религий, сектоведение, миссиологию, языки и многое другое. Образование в духовной школе не хуже светского.

Благодаря усилиям профессорско-преподавательской корпорации студенты Нижегородской семинарии открывают для себя обширный богословский, научный мир. Они не только познают теорию, но имеют возможность на практике применить свои знания.

Главное, что должен помнить каждый человек, и тем более воспитанник духовной школы, — это «золотое правило» святого апостола Павла, которое доносит до нас Священное Писание, — «быть всем для всех», то есть служить людям ради того Бога, в Которого мы верим.

Андрей Рузанов

Обучение в Нижегородской семинарии имело для меня важное значение: духовная школа помогла возмужать и пройти духовную закалку. Так Господь устроил, что мне не довелось служить в Вооружённых силах Российской Федерации, но я считаю годы, проведённые в стенах нашей духовной школы, своеобразной армейской школой, в лучшем смысле этого слова. Я благодарен нашим преподавателям, наставникам и, конечно, начальствующим: прилагая все свои усилия, они стремились и стремятся наставить нас на путь добрый, вывести в будущую серьёзную, полную проблем и сложных вопросов жизнь. Плоды этих трудов, достаточно весомые, особенно сильно ощущаются мной, так как я пришёл в эти благословенные стены после окончания средней школы, и серьёзности во мне, конечно, было мало. И вот теперь могу с уверенностью сказать: за годы, проведённые в семинарии, наши наставники помогли мне разобраться во многих духовных вопросах и просто духовно повзреть. Благодаря учёбе, общению с преподавателями и братьями я переосмыслил многое из того, что происходило со мной и в моей душе за этот, казалось бы, недолгий, период жизни. Всё в нашей жизни происходит по Промыслу Божьему. Так и у меня: будучи не из священнической семьи, поступил я в семинарию...

И всё же, имея за плечами солидный семинарский «багаж» и скромный духовный опыт, хотел бы дать предостерегающий совет молодым людям, желающим избрать этот путь: решаясь на этот шаг, — очень серьёзно подумайте. Поступление в духовную школу, обучение здесь может переменить все ваши представления о жизни, её смысле, её цели. А это повлечёт за собой ещё более ответственный выбор. Самое главное для поступившего — всегда оставаться честным с самим собой и другими, всегда надеяться на Бога и жить с Ним. Главные спутники семинариста — смирение, послушание и молитва, хотя, как правило, не все и не всегда сразу это понимают. Я раскаиваюсь, что понял и принял это поздно, только на старших курсах. И желаю всем поступающим и учащимся во все годы обучения в семинарии иметь в сопровождении этих спутников, ведь в впоследствии, в какой бы сфере деятельности не трудился человек, это всегда ему будет на пользу.

Игорь Харченко

Учёба в семинарии стала для меня временем нравственного и физического совершенствования, становления характера и взглядов на жизнь. Моё мировоззрение и отношение ко многим вещам поменялось, я думаю, в лучшую сторону. До поступления в семинарию, после армии, я хотел связать свою жизнь со спортом, но Господь направил меня на духовный путь. Цель жизни человека — не временные блага и тленные венцы, а вечное единение с Богом.

Сложно устоять на верном пути в мире, где столько соблазнов, но семинария научила меня тому, что, какой бы суровой и жестокой не казалась реальность, какими бы бессердечными и бездуховными не казались многие люди, вполне возможно вернуть в наше общество те нравственные идеалы и принципы, на которых основывается Православие.

Цель учёбы в духовной школе — это принятие священного сана. Для меня это очень важный и ответственный шаг. Нужно непременно всё обдумать и решить, чтобы быть достойным пастырем Церкви.

Я желаю всем поступающим и учащимся в семинарии не бояться проблем и трудностей, с которыми они непременно столкнутся, а с верой и любовью переносить все тяготы и нести свет православной веры.

Георгий Качанкин

Годы обучения в Нижегородской духовной семинарии останутся в моей душе и памяти как период жизни, наполненный самыми осознанными, назидательными и поучительными моментами.

За годы обучения в alma mater — нашей духовной школе — я узнал много нового, что позволило расширить мои познания о Боге, о Церкви и её многовековой истории, дало ответы на жизненно важные вопросы, возможность осознать и понять многие аспекты духовной жизни. Думаю, что каждый воспитанник семинарии получает здесь полезные для себя уроки духовной жизни, нравственно совершенствуется в свою меру, учится внутренней дисциплине и смирению, без чего, наверное, просто немислима личность будущего пастыря.

В нынешнее время духовное образование, с той высокой степенью ответственности педагогов, которая наблюдается именно в нижегородской духовной школе, — это залог успешной пастырской проповеди о Христе. Семинария играет главную роль в становлении человека на пути служения Церкви Христовой. Проучившись здесь пять лет, фактически прожив целых пять лет (срок немаленький!) единой общиной, человек может полностью сформировать своё мировоззрение и понять, способен ли он стать достойным служителем Христа или нет. Для этого становления в нашей семинарии созданы все условия.

Пройдут годы, каждый из ныне обучающихся выберет свой путь: кто-то примет священный сан, и пастырство станет для него не просто профессией, а смыслом жизни, кто-то использует результат обучения как полезное и необходимое дополнение к жизни. Каждый из нас сделает свой выбор. А сегодня, стараясь заглянуть немножко вперёд, мы можем лишь уповать на волю Господа нашего и помнить одну простую истину — пути Господни неисповедимы.

Выражаю искреннюю благодарность нашему дорогому владыке ректору — митрополиту Георгию, который своими заботами, личным примером, своим попечительством обучает нас, будущих пастырей Церкви, с любовью относиться к людям, что, на мой взгляд, является наиважнейшим из качеств для будущих служителей Церкви Христовой.

Давид Семёнов

Эти пять лет, проведённые в семинарии, для меня пролетели незаметно. Помнится, как поступал на первый курс, сдавал экзамены, и вот — теперь уже выпускник. Семинария дала мне больше, чем знания, она дала мне жизненный урок, нравственные ориентиры, что в первую очередь закладываются в душе каждого человека. В этих стенах я узнал, что такое общая молитва, общая трапеза, приобщился духу Православия. Духовная школа, на мой взгляд, даёт прежде всего духовную закалку, как армия — физическую. «Послушание превыше поста и молитвы», — говорил преподобный Серафим Саровский, великий святой Нижегородской земли. Послушаниями в семинарии мы научились духовному труду, внутренней работе над собой.

Важнейшее приобретение — это, конечно, знания. Здесь я научился петь в хоре, правильно читать на церковнославянском языке, получил знания по богословию, философии, апологетике и миссиологии, а также по многим другим предметам.

Выражаю благодарность всей преподавательской корпорации нашей семинарии — за терпение, труды и старания, за те знания, которыми они поделились с нами, чтобы сделать из нас достойных защитников православной веры, добрых пастырей Христовых. И каждому будущему священнику я желаю пройти этот путь духовного возрастания, укрепления веры и стяжания мудрости. «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию» (1 Кор. 2: 6).

Сергей Огородников

В Нижегородскую семинарию я перевёлся после четырёх лет обучения в духовной семинарии Хабаровска и поэтому учился здесь всего лишь год. Но даже за этот краткий период произошло много важных событий, которые доставили мне массу впечатлений и произвели во мне некоторые перемены. Как свойственно любому человеку, приходящему в новое общество, я поначалу относился ко всем настороженно. Но через некоторое время, окружённый заботой и вниманием педагогов и сотрудников семинарии, я совершенно освоился и чувствовал себя как дома, в кругу родных и близких мне людей. К концу пятого курса появилось чувство грусти при мыслях о скором расставании с нижегородской духовной школой, где меня так тепло приняли и многому научили. Благодаря тому, что я учился в двух абсолютно разных по своему духу семинариях, я многое для себя уяснил и сделал выводы. Пройден определённый этап моей жизни. Этап, в котором я пытался стать лучше, а все окружающие меня люди активно мне в этом помогли. Многого получилось, ещё больше предстоит сделать. Но главное, что время, проведённое в духовном заведении, не прошло даром, а полученный опыт и знания я сумею в дальнейшем применить в церковно-приходской жизни. В будущем, когда я стану священником, и, возможно, молодые люди будут спрашивать меня, в какое духовное заведение следует поступать, я однозначно отвечу — в Нижегородскую семинарию, потому что о ней у меня остались самые тёплые воспоминания!

18

мая

Заседание совета ректоров вузов Нижегородской области

18 мая в Нижегородской духовной семинарии прошло заседание совета ректоров вузов Нижегородской области. В его работе участвовали ректор семинарии — митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, министр образования области С. В. Наумов, руководители высших учебных заведений региона.

Открывая заседание, председатель совета ректоров вузов области Р.Г. Стронгин — президент Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (ННГУ) — проинформировал присутствовавших о кадровых изменениях в жизни нижегородских вузов. В Нижегородском государственном педагогическом университете имени Козьмы Минина (НГПУ) прошли выборы ректора: избран профессор А. А. Фёдоров, а занимавший эту должность ранее профессор Л. Е. Шапошников стал президентом НГПУ. Произошло также укрупнение ННГУ: к этому вузу присоединены Арзамасский педагогический институт и Нижегородский коммерческий институт.

На заседании было признано целесообразным осуществлять выпуск ежегодного сборника статей «Развитие научного потенциала в ПФО: опыт высших учебных заведений».

29

мая

Международная научная конференция

29 мая в Нижегородской духовной семинарии прошла Международная научная конференция «Язык, культура и общество в современном мире», организованная Нижегородским государственным лингвистическим университетом имени Н. А. Добролюбова. В рамках партнёрского сотрудничества с ниже-

городской духовной школой была организована работа совместной секции «Религиозный текст и религиозная культура в современном мире».

В работе секции приняли участие преподаватели вузов и учёные из Сербии и России, в том числе из Москвы, Екатеринбурга, Волгограда, Саранска, Нижнего Новгорода.

На конференции в стенах Нижегородской духовной семинарии обсуждались вопросы взаимодействия религии и национальной культуры, религиозной и культурной идентичности; богословские, философские, исторические, культурологические, лингвистические аспекты функционирования религиозных текстов; проблемы создания и функционирования богослужбных текстов; вопросы речевого воздействия в церковной среде.

Зачем нужна Церковь?

*Иерей Алексей Белецкий,
кандидат богословия,
преподаватель НДС*

бращение людей к Церкви в наши времена, как правило, не сопровождается вопросом: а зачем Церковь нужна? Приход в храм, общение со священником, внешний и внутренний вид церквей и появление Патриарха на экране телевизора стали настолько обыденными, что не наводят на размышления о смысле существования Церкви и вообще христианства. Почему Церковь такая? С таким устройством храмов, богослужением, иерархией, духовными требованиями и прочее? Разве не достаточно просто кому-то и где-то крестить, венчать и отпевать? Зачем нужна Церковь современному человеку?

Существование Церкви, её сложное устройство и деятельность связаны во все века с самым главным, что есть в жизни человека, — со смыслом его бытия. Если бы Церковь имела отношение к чему-либо второстепенному в человеческом существовании, то грош цена была бы такой Церкви. Но христианство мало того, что обращено к смыслу и цели жизни, оно задаёт и определяет их.

Если теоретически вопрос о смысле жизни всегда остаётся самым важным для человека, то на практике нужно признать, что он не актуален для

большинства наших современников. За последние полвека жизнь общества и каждого его члена стала настолько упорядоченной, что отпала острая необходимость думать наперёд и принимать серьёзные решения о дальнейшем пути в жизни. Детский сад, школа, вуз, работа, семья, дети и комфорт — всё это стало неизменными элементами одной программы, под которую подстраивается человек — благодаря родителям, обществу и разным обстоятельствам. А иначе, мол, в жизни не выйбьешься, не найдёшь достойного места, окажешься на дне и тому

Христианство мало того, что обращено к смыслу и цели жизни, оно задаёт и определяет их.

Человеку сегодня действительно сложно отказаться от стереотипов и программ и личным усилием воли, самостоятельно признать какие-либо ценности для своей жизни, на которые он мог бы опереться при любом повороте судьбы.

подобное. Поэтому думать о смысле жизни стало уделом не молодых (кому это необходимо в первую очередь), а престарелых людей, освободившихся от запрограммированных забот и подводящих итог жизни.

Власть такой программы жизни весьма велика. И когда некоторые выбиваются из неё от усталости или внезапно постигшего горя, наступает состояние полного непонимания жизни, и человек оказывается на грани отчаяния. В этом случае неизменно встаёт вопрос о самоубийстве, ведь смысла жизни, наполнения её реальным и ценным содержанием как не было, так и нет. И это самое страшное в современном мире.

Человеку сегодня действительно сложно отказаться от стереотипов и программ и личным усилием воли, самостоятельно признать какие-либо ценности для своей жизни, на которые он мог бы опереться при любом повороте судьбы. Сама жизнь, несмотря на декларацию её как наивысшей ценности, для человека таковой

не является. Наблюдая за действительностью, можно признать, что людям не нужна просто жизнь, им нужна хорошая или комфортная жизнь, ну, в худшем случае, осмысленная. Нам необходимо жить для кого-то или для чего-то, искать в ком-то или чём-то смысл бытия. Если этого нет, то приходит решение наложить на себя руки. Ну, а если задуматься... Ведь жизнь продолжается, разве плохо существование само по себе? Да, постигла беда, да, боль на сердце. Но жизнь на земле может быть прекрасной. Боль утихнет, и снова придёт радость. Пусть тебе ничто и никто не нужен, но, наверняка, нужен ты — тому, кто обделён теплом

Немногие задумываются над тем, что смысл жизни имеет отношение к нематериальной составляющей бытия человека, к его внутреннему миру и может выражаться в спокойствии совести, душевном умиротворении.

и вниманием, кто требует твоего участия в судьбе, кому нужен ты как смысл жизни. Наше простое существование наиболее ценно тем, что если не мы сами, то по крайней мере кто-то другой видит в нём смысл. Так или иначе, жизнь всегда имеет смысл.

Не будет ошибкой сказать, что большинство людей полагают смысл жизни в благополучии. Все стремятся наполнить своё существование благом: радостью, правдой, добром, светом, счастьем... Каждому хочется, чтобы жизнь его была не «зеброй полосатой», с чередой полос то чёрных, то белых, а дорогой, устланной «белой скатертью». Но каждый человек видит благо в чём-то своём, определяет смысл жизни по-своему. И чаще всего в качестве этого смысла выступает то, что лежит на поверхности нашей жизни и ассоциируется с материальным благополучием: деньги, власть, работа, карьера и семья. Список может быть продолжен. Немногие задумываются над тем, что смысл жизни имеет отношение к нематериальной составляющей бытия человека, к его внутреннему миру и может выражаться в спокойствии совести, душевном умиротворении.

В этом вопросе очень важно выяснить, что понятие «смысл жизни» обладает определёнными свойствами — постоянством, неизменяемостью, значимостью. Абсолютный смысл жизни всегда остаётся таковым, независимо от времени существования, места нахождения, национальности, положения в обществе, умственного развития человека. Он всегда предполагает абсолютную задачу — достижение цели жизни. Будь то необитаемый остров, больничная койка или тюремная

Если абсолютный смысл не определяется материальными условиями жизни человека, значит он связан с его внутренним устройством. Христианство полагает такой смысл в деятельности души человека.

камера одиночного содержания, лишь бы был человек, а смысл и цель сразу же явятся. Выходит, если абсолютный смысл не определяется материальными условиями жизни человека, значит он связан с его внутренним устройством. Христианство полагает такой смысл в деятельности души человека.

События истории всего человечества и судьбы отдельного человека подтверждают именно такой вывод. Недавний мировой экономический кризис привёл к тому, что многие люди остались без денежных накоплений, потеряли работу, лишились карьеры. Несмотря на то, что семья остаётся единственной общепризнанной ценностью в обществе, кризис семьи заставляет сомневаться и в её абсолютной смысловой значимости. К тому же не все способны создать семью по психическим и физическим показателям, семьи рушатся из-за разводов и скорбных происшествий.

Так что ничто из окружающей человека жизни не может служить по-настоящему её смыслом.

В этом случае вспоминается крылатое выражение о сути жизни любого мужчины: «Каждый мужчина должен в своей жизни построить дом, посадить дерево и вырастить сына». Переводя это на общее определение смысла жизни, можно сказать, что каждый человек должен оставить после себя что-то или кого-то, что/кто будет напоминать о нём. В самом деле, говоря о смысле и цели своего существования, человек заранее, сознательно или бессознательно, предполагает, что, осуществив этот смысл, достигнув цели, он оставит после себя память. Утверждение семьи как смысла жизни выражает желание сохранить себя в вечности, на генном

уровне своих потомков. Как мои предки «живут» в моём геноипе, точно так же и я продолжу своё «существование» в моих детях, внуках и правнуках. Но вся беда в том, что род может прерваться по тем или иным причинам. И на сохранение себя в вечности в таком образе бытия вряд ли можно претендовать безоговорочно.

Другой вариант — «остаться в вечности» в виде большого дела или подвига. Действительно, история сохраняет память о событиях и лицах поразительной давности. Но ведь плод деятельности может быть не только созидательным и полезным, но и разрушительным. Лишь бы был масштаб,

лишь бы последствия были крупными, лишь бы в памяти надолго сохранились. Сколько таких деятелей, как Гитлер и Сталин, которые оставили после себя плоды не просто неприглядных, но ужасающих поступков, но о них будут помнить! Подобного рода память сохраняет Церковь о Понтии Пилате, казнившем Христа. Имя этого человека внесено в Символ веры, который читается каждый день и в утренних молитвах, и за Литургией. Вот уж прославился так прославился! О нём будут помнить всё время, пока существует Церковь, а это значит — до конца человеческой истории. Поэтому смысл жизни не может выражаться просто в памятном деянии. Он должен иметь нравственное измерение, быть морально положительным.

В общем, смысл жизни находится не в плоскости деятельности, а в сфере того, *что* или *кто* обладает упомяннутыми абсолютными свойствами. Ни что из предметов мира и человеческого разума такими характеристиками

Христианство утверждает, что смысл жизни человека лежит в Боге. И цель жизни человека — единство, союз, близкое общение с Богом. Именно это — главная ценность и призвание человека, именно это делает человека Человеком.

не обладает. Такие качества присущи только Богу. Поэтому христианство утверждает, что смысл жизни человека лежит в Боге. И цель жизни человека — единство, союз, близкое общение с Богом. Именно это — главная ценность и призвание человека, именно это делает человека Человеком.

К этому нужно прибавить, что Бог является источником абсолютного блага для человека — настоящего счастья, истины, добра, радости, света и самой вечности. В единстве с Богом человек обретает это благо как для души своей, так и для тела. Церковь, как Богочеловеческий союз на земле, служит именно этому: помогает людям войти в тесное общение с Богом и тем осуществить смысл жизни, достичь цели своего существования. Всё, чем живёт Церковь, чем она обладает, служит этому предназначению.

По сути, Церковь занимается тем, чтобы сделать человека способным вступить в единство с Богом. В качестве руководства выдвигается закон: «подобное притягивается к подобному». Чтобы приблизиться к святому и совершенному Богу, необходимо освятиться и усовершенствоваться. Этим объясняется множество духовных и нравственных требований и запретов в моральном кодексе Церкви, которые подробно выражают смысл заповедей Христа в Евангелии. Христианский идеал святости и совершенства труднодостижим, но именно от него зависит смысл жизни. Правила Церкви помогают в частных обстоятельствах стремиться к идеалу и цели своего существования.

Другой вопрос, есть ли в христианстве общее правило следования своему жизненному предназначению. На этот вопрос уже ответил Сам Иисус Христос в Евангелии, когда указал на заповеди о любви к Богу и ближнему.

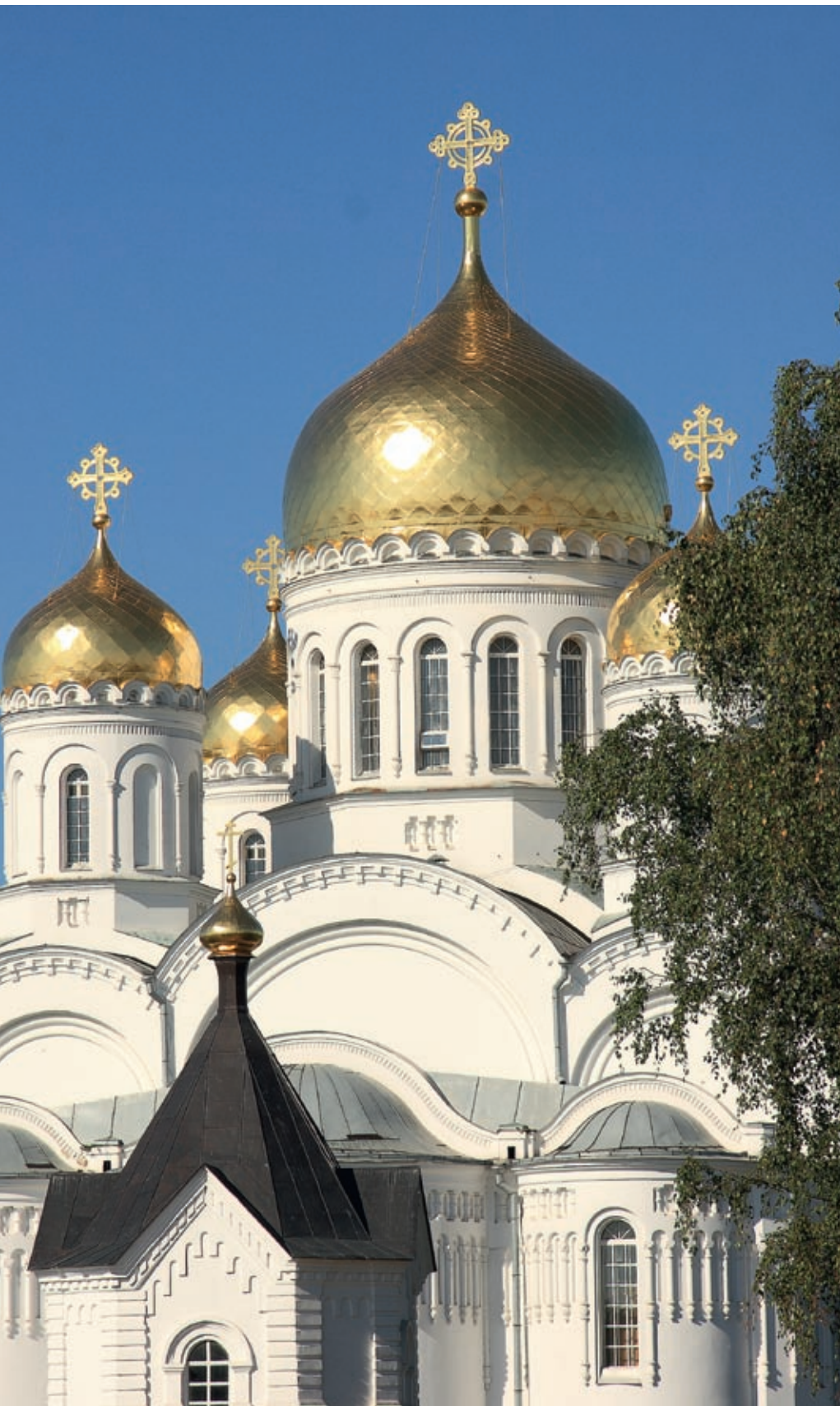
Любовь называется исполнением закона и совершенством добродетели, так как она вмещает в себя всё, что есть доброго на земле (дружбу, сочувствие, радость, справедливость, милосердие, доброту, нежность, мужество,

благородство). Любовь делает веру совершенной. Любовь наполняет жизнь истинным содержанием, возвышает человека. Более того, по определению святого апостола, «Бог есть любовь». И в том, кто любит, пребывает Бог, и сам он — в Боге. Не это ли соответствует христианскому пониманию смысла жизни? Полноценная и совершенная любовь к Богу и людям делает человека Человеком, реализует его смысл жизни, исполняет его предназначение.

Нельзя не отметить преимущество христианства в этом вопросе

по сравнению с другими религиозными и философскими системами. Естественно, абсолютная цель жизни лежит за порогом смерти, и говорить о реализации смысла существования можно только перед окончанием земного бытия. Каким же образом они соотносятся с сегодняшним днём, как проверить их истинность сейчас, в настоящее время? Призыв просто следовать своему предназначению, просто идти к цели был бы слишком наивным для Церкви, особенно в условиях современного неверия никому

и ничему. Единство Бога и человека уже осуществилось в истории. Сын Божий, Бог-Слово, вочеловечился, стал одним из людей. В таинстве Евхаристии Он преподаёт Своё Тело и Кровь, чтобы христиане стали причастниками Его Божества. А значит, можно уже сейчас и здесь предощутить, что ждёт христианина у цели его жизни, можно вкусить и почувствовать на себе, какие блага (читай — смысл жизни) приготовил Бог любящим Его. Каждое причастие святых Тела и Крови Христовых подводит итог жизни верующего человека, дарит полноту бытия, как будто на его исходе.

На самом деле, если признать высшим смыслом благо человека, пусть и в абсолютном, нравственном аспекте, тогда всё остальное, в том числе Бог, Церковь, объявляется лишь средством к достижению этого блага. В таком случае предназначение человека приобретает явные потребительские черты, вполне в современном духе. Однако в христианстве никогда не проповедовался такой взгляд на жизнь человеческую, но всегда звучал призыв служить Богу как высшей ценности, призыв исполнять Его волю, выраженную в заповедях о любви. И это не противоречит тому, что людям за послушание обещаются те же самые блага.

Любовь как высшая добродетель вбирает в себя ещё и все человеческие блага. Разве не радуется человек, когда любит? Разве не счастлив он от этого? И пусть даже неразделённая любовь причиняет ему страдания, но насколько сладостны эти муки. Любовь просветляет душу, вселяет в сердце благородство. Любовь заставляет меньше думать о себе, рождает чуткость и отзывчивость. Но самое главное: любовь вдохновляет на самопожертвование. Любящий человек легко отказывается от своего, дарит с радостью всего себя любимым, и в этом находит высшее благо. Парадоксально, человек в христианстве стремится к благу как смыслу и цели своей жизни, но, обретая его, отказывается от личного блага в пользу ближних. Удивительно, что любовь

Личная жизнь действительно не представляет собой наивысшей ценности, так как в мире есть то, ради чего стоит пожертвовать собой. . . например, семья, близкие люди, Родина.

дарит блага, но — для того, чтобы ими делились, их раздавали. В этом случае, действительно, смысл жизни — в служении Богу и ближнему, а не в удовлетворении личного утилитарного чувства. Ярчайшим примером этого служит Сам Бог — Любовь, Сын Божий, Который стал человеком и воспринял в полноте страдания всего человечества, чтобы подарить людям небесное блаженство.

Личная жизнь действительно не представляет собой наивысшей ценности, так как в мире есть то, ради чего стоит пожертвовать собой. Более важным, чем собственное существование, признаются, например, семья, близкие люди, Родина. Поэтому образцами героизма становятся люди, пожертвовавшие собой ради любви, свободы, правды и добра. Военнослужащие наглядным образом, изо дня в день, доказывают эту истину. Но настоящая цена своей жизни открывается лишь любящему сердцу.

Вопрос о смысле и цели жизни для многих сегодня не актуален. В автоматическом режиме бытия современного

общества просто нет времени над ним задумываться. Но если внимательно присмотреться, ни одно действие или слово в жизни не совершается бессмысленно. Пусть большинство людей не разделяют какого-то общего видения сути происходящего, но каждый всегда поступает так, как считает нужным, то есть правильным. Даже самый негативный поступок, осуждаемый общим мнением, может быть допущен, если в определённое время и в конкретном месте человек оправдает его для себя как единственно необходимый и верный. Можно творить злодеяния и абсолютно глупо себя вести, можно решаться на откровенно бесполовые поступки. Но всё это будет значить одно: смыслом жизни избраны зло, глупость или бессмыслица. Человек

по своей природе не может вести бессмысленную деятельность, не может творить зло просто так, если находится в здравом рассудке. Но вполне способен извратить смысл, упростить своё существование до скотоподобного, запрограммировать себя.

В Евангелии есть прекрасные и глубокие по смыслу слова, сказанные Самим Христом: «*Я есть путь, и истина, и жизнь*» (Ин. 14: 6). И в самом деле, что такое наше предназначение, как не путь, ведущий к определённой цели? Что есть наша цель, как не принятая умом и сердцем истина, от которой мы ждём счастья и успокоения? Что наша жизнь, как не шествие по этому пути к этой цели? И вот Сам Христос называет Себя сутью и главным содержанием бытия любого человека. Потому что в Нём осуществилось теснейшее единение Бога и человека, в Нём человек вошёл в ближайшее общение с Богом. Потому что Он, как Бог, есть абсолютное Благо для человека, ставшее Само человеком, Он есть абсолютная Любовь, воплотившаяся ради нас.

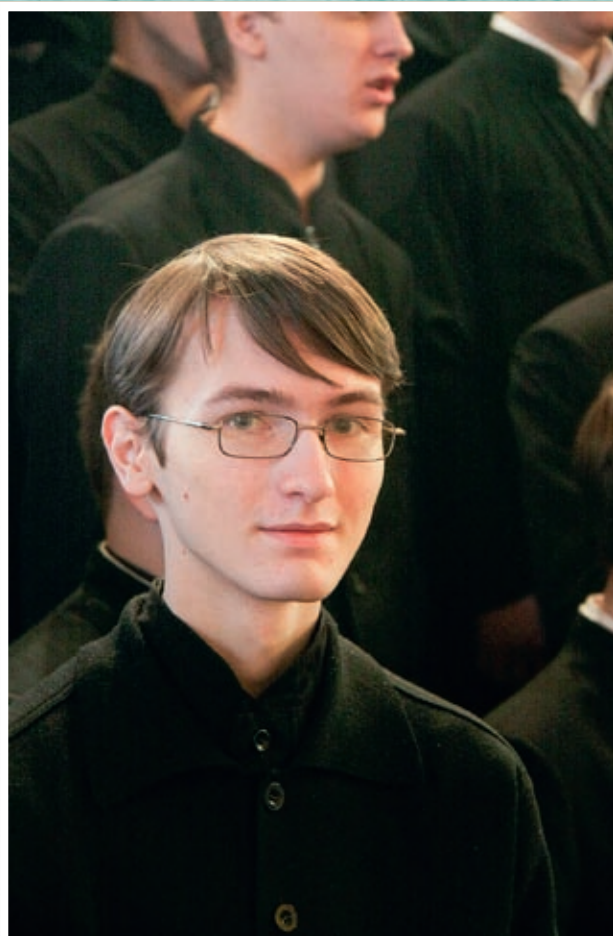
Так или иначе, каждый человек в этом мире за время своего существования пытается полностью себя раскрыть, самореализоваться. Но что в себе можно явить другим, если благо (правду, добро, счастье, радость) мы ищем «на стороне», если смысла и цели сами по себе мы не имеем. Перед тем, как явить себя миру, нужно что-то получить, что-то в себя вобрать. И при том, это «что-то» должно иметь как можно большую значимость и ценность. Для христианина абсолютное жизненное значение имеет Спаситель. А девизом многого странствования служат слова апостола Павла: «*Уже не я живу, но живёт во мне Христос*» (Гал. 2: 20).

По сути, Церковь занимается тем, чтобы сделать человека способным вступить в единство с Богом.

Митрополит Георгий

Студент Григорий Михеев

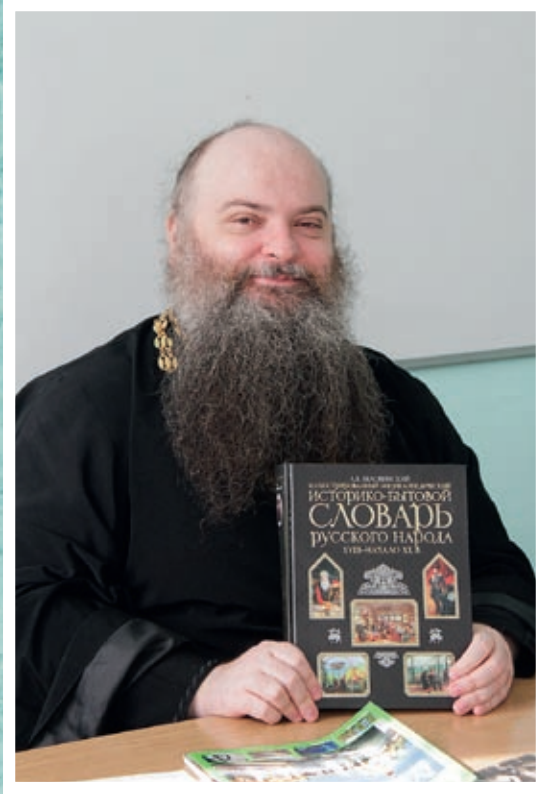
Профессор Лев Евгеньевич Шапошников

На экзамене у протоиерея Алексия Дроздова

Протоиакон Димитрий Исаев

Иеромонах Лаврентий (Собко)

Наталья Евгеньевна Мякина

Два профессора: Владимир Дмитриевич Юдин и Владимир Михайлович Строецкий

Архиепископ Флавиан (Дмитриук): годы в оккупации (1941—1944)

АЛЕКСЕЙ ДЬЯКОНОВ,
кандидат богословия,
преподаватель НДС

Среди нижегородских архипастырей двадцатого столетия особое место занимает человек, чья судьба напрямую связана с трагической судьбой России, пережившей за короткий, по историческим меркам, период две мировые войны, кровопролитное гражданское противостояние и жестокое уничтожение её народа. Этот человек — архиепископ Горьковский и Арзамасский Флавиан. Время его святительства на Горьковской кафедре пришлось на 1966–1977 годы, когда в стране не утихла антирелигиозная борьба.

Сам владыка Флавиан сполна испытал все тяготы и лишения новейшей российской истории. Об одном из эпизодов его многотрудной жизни — наше повествование.

Жизнь до оккупации

Архиепископ Флавиан (в миру — Фёдор Игнатьевич Дмитриук) родился

14 мая 1895 года в селе Киевец Белопольского уезда Холмской губернии в Польше, в семье псаломщика. В 1909 году он оканчивает Холмское духовное училище, а в 1915 году — Холмскую духовную семинарию, по первому разряду. В том же году он рукополагается в диакона, а затем в священника и остаётся служить в Холмской епархии.

В эти годы бушевала Первая мировая, или, как тогда её называли, Великая война. В связи с военными действиями и семинария, и многие священнослужители были эвакуированы в Москву, и здесь священник Фёдор служил сначала в женском монастыре — подворье, около Даниловского кладбища, а затем в других храмах российской столицы, довелось ему послужить и в Петрограде, и в Котельниче, что в Вятской губернии.

В 1918 году отец Фёдор с семьёй возвращается в родные края и служит на приходе в Брестской области, часть которой на тот момент входила в состав Польши. Отец Фёдор был

«человеком весьма общительным, высокого роста и обладал громовым голосом»¹.

Все годы служения в Польше будущий архипастырь придерживался русской ориентации, за что в 1938 году был лишён польского гражданства и, по требованию гражданских властей, должен был быть выселен за пределы Польского государства. Этому помешало, во-первых, отторжение этой территории Советским Союзом и включение её в состав Белорусской ССР, а во-вторых, событие, которое навсегда изменило жизнь священника Фёдора Дмитриука — Вторая мировая война.

22 июня 1941 году фашистская Германия вероломно вторгается в пределы Советского Союза. И с этого дня на долгие три года Брестская область попадает в зону гитлеровской оккупации. О жизни отца Фёдора в период с 1939 по 1941 год нам ничего неизвестно, и только годы жизни в оккупации проливают свет на его пастырское служение.

Тяготы оккупации

На оккупированных белорусских землях был образован Генеральный округ Белоруссия (General Bezirk Weissrutenien) имперского комиссариата Остланд, генеральная резиденция которого находилась в Минске². В состав комиссариата были включены территории Барановичской, части Минской и Вилейской областей, северные районы Пинской и частично Брестской областей.

С первых дней оккупации на Брестчине разворачивается партизанское движение. «Уже 26 июня 1941 года в Пинске был сформирован первый на территории Беларуси партизанский отряд под командованием В. Коржа. К середине августа 1941 года на территории Белоруссии действовал 231 партизанский отряд, в которых насчитывалось свыше 12 тысяч человек»³.

Священник Феодор Дмитриук с семьёй на момент начала оккупации проживал на территории Кобринского района. Справка исполкома Батченского сельсовета, данная «... на гр. Дмитрука (фамилия дана в справке неточно — Авт.) Феодора Игнатьевича», свидетельствует, что он в период с 1940 по 1944 год «действительно проживал ... в деревне Черевачицы Батченского сельсовета Кобринского района Брестской области»⁴.

Жизнь в новых условиях оказалась очень нелёгкой. Оккупационные власти на захваченной территории периодически проводили операции по истреблению мирного населения и партизан. Как отмечается в протоколе допроса свидетеля А. Д. Подольяка о преступлениях, совершённых немецкими оккупантами во время карательных операций, «за весь период немецкой оккупации Брестской области БССР немцы провели несколько крупных операций по ликвидации партизанского движения, а также по уничтожению мирных советских граждан и еврейского населения»⁵. Причём партизанское движение становилось зачастую лишь формальным поводом для уничтожения целых деревень.

Первой крупной немецкой операцией в Брестской области была операция в сентябре-октябре 1942 года под кодовым названием «Треугольник», проходившая на территории Жабинского, Кобринского и Малоритского районов. Тогда гитлеровцы зверствовали 17 дней.

Началось всё с того, что утром 11 сентября 1942 года немцы автоматчики неожиданно ворвались в деревню Дремлево Жабинского района, жители которой уже собрались на праздник Иоанна Крестителя, что отмечался здесь со дня основания деревни, с 1561 года. Выставив оцепление, автоматчики стали выгонять людей из домов на улицу и расстреливать. Оставшихся в живых загнали в один из домов и подожгли. Всего погибло 190 жителей Дремлево, а сама деревня была полностью сожжена...

«В деревне Борки каратели в 4 часа утра согнали всех жителей и расстреляли 705 человек, в том числе 203 мужчин, 372 женщины и 130 детей, а деревню подожгли. В деревне Борисовка каратели расстреляли 206 человек и сожгли 225 домов, а в деревне Леплевка расстреляли 54 ребёнка и воспитательницу Домачевского детского дома»⁶.

Всего в ходе этой операции в деревнях было уничтожено до 3000 человек. В самом городе Бресте «немцы производили массовый расстрел еврейского населения»⁷. Число убитых евреев было около 15 000 человек. Партизан же в эту операцию гитлеровцы уничтожили немного — в основном, во время боевых действий.

Вторую операцию по ликвидации партизанского движения фашистские оккупанты предприняли через год, в сентябре-октябре 1943 года, на территории Жабинского, Кобринского, Малоритского и Брестского районов Брестской области.

Как свидетельствует протокол допроса, «во время этой операции немцы в основном уничтожали деревни, так как население симпатизировало партизанам и уходило в леса. Население, которое было немцами захвачено

Настоятель Свято-Успенской церкви Ивановского района Брестской области Василий Данилович Копычко

Боевыми наградами был отмечен ратный подвиг архимандрита Макария (Реморова)

Протоиерей Александр Смолкин 9 мая 2000 года

в деревнях, расстреливалось и часто сжигалось, но массовых расстрелов в эту операцию не было»⁸.

Многие деревни встречали оккупантов пустыми домами и дворами, поскольку все жители уходили в леса и присоединялись к партизанским отрядам. Такие поселения гитлеровцы сжигали дотла. Как пример, можно привести ещё один факт из протокола допроса: «деревня Рудец Малый и Рудец Великий были сожжены полностью, но без народа, так как народ ушёл в лес и соединился с отрядом им. Котовского»⁹.

Как и в ходе первой операции в 1942 году, в карательных акциях участвовали немецкие части СС и полиция из местных. Но партизанская работа даже в таких сложнейших условиях доставляла гитлеровским оккупантам немало хлопот. И немалую помощь в борьбе с оккупантами партизанам оказывали священники Русской Православной Церкви, волею судеб оказавшиеся на оккупированной территории.

Жизнь положившие за други своя...

Помощь священнослужителей партизанам в их борьбе с немецко-фашистскими оккупантами принимала самые различные формы. История сохранила для нас примеры самоотверженной деятельности священников Брестской области, среди которых был о. Феодор Дмитриук.

Настоятель церкви с. Видони Псковской епархии священник Мефодий Белов, позднее убитый оккупантами за помощь партизанам, провожает свою дочь Руфину — партизанскую разведчицу. 1943 год

Пользуясь относительной свободой передвижения, разрешённой оккупантами, они проводили разведывательную работу, сообщали данные о передвижениях фашистов, а кроме того — снабжали партизан хлебом и одеждой. Дома священников часто становились местом встреч подпольщиков из городов с партизанскими разведчиками, а священники сами исполняли роль связных и выполняли очень опасные поручения.

В частности, к священнику села Сидельники Порозовского района Брестской области Афанасию Ясиевичу, «начиная с 1942 года, систематически, с интервалом в неделю-две приходили партизаны, называвшие себя „москвичами“. В 1943 году, в канун Пасхи, в дом Афанасия Ясиевича пришло примерно около десяти партизан. Отобедав, один из них вручил священнику

отпечатанное на машинке воззвание Киевского и Галицкого архиепископа Николая (Ярушевича)»¹⁰.

Так же, как и о. Феодор Дмитриук, настоятель Свято-Успенской церкви Ивановского района Брестской области Василий Копычко оказывал помощь раненым воинам Красной Армии. «С начала войны до её победного завершения отец Василий духовно укреплял своих пасомых, совершая богослужения ночью. Священник рассказывал верующим о положении на фронтах, призывал противостоять захватчикам, переписывал и передавал сводки Совинформбюро, партизанские листовки, обращённые к солдатам Русской освободительной армии (РОА) и полиции»¹¹. Он организовывал среди крестьян сбор одежды, обуви, продуктов для раненых партизан и присылал им оружие.

Священнослужители зачастую сами принимали активное участие в боевых действиях. Так, «в партизанском соединении служил протоиерей Александр Романушко, настоятель церкви села Мало-Плотницкое Логшинского района Пинской области»¹². Он сам не раз участвовал в боевых операциях, ходил в разведку и был, в полном смысле слова, партизанским батюшкой.

Протоиерей Александр участвовал в партизанском движении с лета 1942 по лето 1944 года. Из его письма, посланного осенью 1944 года митрополиту Алексию (Симанскому), следовало, что число священников

Командир 5-й Ленинградской партизанской бригады, Герой Советского Союза К.Д. Камрицкий прикрепляет медаль «Партизану Отечественной войны» II степени священнику церкви Порховского района Ф.А. Пузанову

в Полесской епархии за три года оккупации уменьшилось на 55%. Многие из них были расстреляны за содействие партизанам, а храмы сожжены.

Члены семей священников также принимали активное участие в партизанской деятельности. Настоятель церкви во имя Покрова Богородицы в селе Хворосно Логишинского района Пинской области священник Иоанн Лойко принародно благословил трёх своих сыновей идти в партизаны. Сам же он остался со своими прихожанами, когда село в феврале 1943 года было окружено карательными отрядами СС. Остался, чтобы помогать больным, калекам и беспомощным старикам, которые не смогли вместе с другими жителями села уйти в лес к партизанам. Священник Иоанн был сожжён фашистами 15 февраля вместе с 300-ми прихожанами в храме, где совершал Божественную литургию.

Как читаем в справке из Батченского сельсовета, «члены семьи будущего горьковского архипастыря, дочь Тамара Феодоровна, бывшая учительница средней школы, оказывала помощь активу и раненым партизанам»¹³, которым, с огромным риском для жизни, давал возможность для лечения и отдыха в своём доме о. Феодор Дмитриук. Обе его дочери, Тамара и Раиса, неоднократно добросовестно выполняли поручения подпольного комитета.

Какой ценой давалась жизнь... Всякая связь священнослужителей с партизанами жестоко каралась оккупационной властью. Гитлеровцы не только давали разрешения на открытие церквей, но и безжалостно сжигали их, если была замечена связь батюшки с партизанами. Так, «в Освейском районе Витебской области при проведении карательных акций было сожжено пять церквей. В октябре 1943 года в деревне Доры Воложинского района Барановичской области каратели уничтожили 106 человек, из них до этого 26 были согнаны в церковь и там заживо сожжены»¹⁴.

За связь с партизанами осенью 1943 года был расстрелян священник Николай Михайловский — настоятель Свято-Воздвиженской церкви деревни Рогозино Жабинского района Брестской области, а семидесятидвухлетний протоиерей Павел Сосновский, священник села Новик, был расстрелян с женой и детьми.

Священника Петра Бацяна, служившего настоятелем в деревне Кобыльники Мядельского района Вилейской области, арестовало СД за помощь евреям. Над ним жестоко издевались в минской тюрьме: запрягали в плуг, чтобы вспахать тюремный огород, а потом травили собаками до тех пор, пока священник не умер.

Ещё одно свидетельство: «за связь с партизанами осенью 1943 года фашистами была расстреляна семья священника Виталия Боровского из деревни Лаша»¹⁵.

В этом контексте вполне предсказуемой выглядит и трагическая история семьи будущего горьковского святителя: во время одной из карательных операций гитлеровцев в деревне Черевачицы, в числе многих жителей, была замучена его жена Мария Ивановна, расстреляны его старшая дочь с мужем, две его родственницы. Младшая дочь Раиса была тяжело ранена, но её в сложнейших условиях всё-таки удалось спасти.

Награды за веру, любовь и верность своему народу

И в годы войны, и после её окончания многие священнослужители были награждены орденами, медалями и памятными знаками.

Протоиерей Александр Романушко перед строем партизан был награждён медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

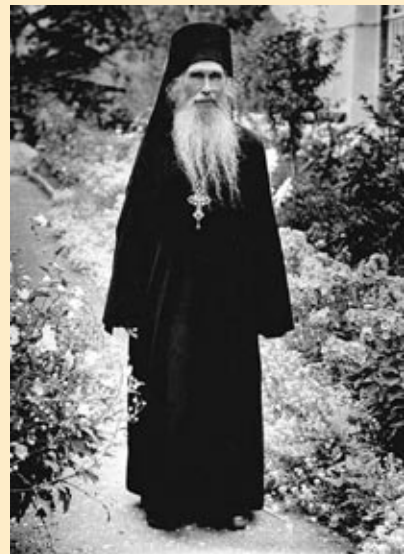
Настоятель Свято-Успенской церкви Ивановского района Брестской области Василий Копычко был удостоен ордена Отечественной войны II степени, награждён медалями «Партизану Отечественной войны» I степени,

Управляющий Московской епархией митрополит Николай вручает медали «За оборону Москвы» иерархам Церкви. 1944

Представители Русской Православной Церкви, награждённые медалью «За оборону Москвы»

Насельник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрит Кирилл (Павлов) награждён орденом Славы и медалями

«За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

После освобождения Белоруссии войсками Красной Армии о. Феодор Дмитриук служил в храмах городов Кобрин Брестской области и Бобруйска. В 1952 году он был переведён на приход в город Таганрог, а в 1953-м — в кафедральный собор Ростова-на-Дону.

6 апреля 1955 года священник Феодор принимает монашеский постриг с именем Флавиан, «в честь святителя Константинопольского Флавиана Исповедника и подвизается сначала в Свято-Успенской Почаевской, а затем с 1957 года — в Троице-Сергиевой Лавре»¹⁶.

20 апреля 1958 года началось священническое служение архимандрита Флавиана. По благословению священноначалия, новопоставленный епископ определяется на Свердловскую кафедру и в течение последующих восьми лет окормляет уральскую паству. В июле 1966 года Преосвященный Флавиан был назначен на кафедру в город Горький, которую он занимал до своей кончины в 1977 году.

Владыка Флавиан, получив архиерейский сан, долгие годы жил с незаслуженным клеймом «фашистского прихвостня», поставленным на него

властью, поскольку к епископам Православной Церкви советское атеистическое государство было особенно безжалостно. Долгие годы государственные чиновники проверяли и перепроверяли период жизни в оккупации горьковского архиепископа. Так долго, что почти не осталось свидетелей тех страшных лет.

Но белорусский народ свято чтит и помнит тех, кто помогал ему своей любовью и молитвой выжить в годы оккупации. Были заверены и подтверждены справки и запросы из Батченского сельсовета об активной помощи партизанам отцом Феодором и членами его семьи. И в октябре 1966 года архиепископ Горьковский и Арзамасский Флавиан (Дмитриук) решением исполкома Ленинского района города Горького «за активную помощь членам подпольного комитета по борьбе с фашизмом в 1941–1945 годах» был награждён Юбилейной медалью «20-летия победы в Великой Отечественной войне».

Война показала и раскрыла личностные качества каждого человека. И здесь особенно ярко проявились те христианские добродетели, которые были присущи старому поколению священнослужителей — любовь, доброта, смирение, жертвенность...

Именно простые сельские пастыри помогли своему народу выжить и сохранить силу духа в нечеловеческих

условиях существования. Самой своей жизнью, существуя бок о бок со своей паствой, разделяя с народом страдания оккупационных дней, они демонстрировали людям силу и величие подлинной веры в Бога и любви к своему ближнему. И делали это потому, что иначе и не представляли своей жизни, своего служения Господу.

Примечания

- 1 «Святители земли Нижегородской». Нижний Новгород, 2003. С. 288.
- 2 Земли Белоруссии, оккупированные Германией. <http://www.heraldicum.ru/belarus/occupy.htm>
- 3 Брестчина оккупированная. <http://alex-brest.livejournal.com/242649.html>
- 4 «Святители земли Нижегородской». Указ. изд. С. 288.
- 5 Из протокола допроса свидетеля А. Д. Подольяка о преступлениях, совершённых оккупантами в районах Брестской области во время карательных операций. <http://www.molodguard.ru/village06-148.htm>
- 6 Брестчина оккупированная. <http://alex-brest.livejournal.com/242649.html>
- 7 Из протокола допроса свидетеля А. Д. Подольяка о преступлениях, совершённых оккупантами в районах Брестской области во время карательных операций. <http://www.molodguard.ru/village06-148.htm>
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Священники на поле боя Второй мировой. <http://his.1september.ru/2004/17/14.htm>
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 «Святители земли Нижегородской». Указ. изд. С. 288.
- 14 Священники на поле боя Второй мировой. <http://his.1september.ru/2004/17/14.htm>
- 15 Там же.
- 16 «Святители земли Нижегородской». Указ. изд. С. 289.

РАЗРЫВЫ И СВЯЗИ

Из истории
русской
мысли...

Богословие. Философия. Литература

Биографическая справка

Сергей Николаевич Дурьлин (14[26].09.1886–14.12.1954), литературовед, искусствовед, театралный критик. Окончил Московский археологический институт (1914). Участвовал в революционных беспорядках 1905–1906 годов. Дважды арестовывался. Был активным толстовцем. Начал печататься в 1906 году. Выступал как поэт, беллетрист (повесть «В школьной тюрьме», 1906). Сотрудничал в издательстве «Посредник» (с 1904 года). Начиная с 1906 года, Дурьлин совершил несколько поездок по Русскому Северу и старообрядческому Заволжью (давших, в частности, материал для искусствоведческих и этнографических очерков «Древнерусская иконопись и Олонецкий край», Петрозаводск, 1913; «За полуночным солнцем», М., 1913; «Кандалакшский „вавилон“», М., 1914; «Под северным небом», М., 1915).

В период 1910-х писатель погрузился в «изучение народного аспекта Православия», прежде всего — легенды о Китеже («Церковь невидимого Града. Сказание о граде Китеже», М., 1914). Дурьлин утверждал «невещественный град Церкви» как верховный символ русского народного религиозного сознания и отстаивал свою правоту ссылками на фольклор, в том числе на записанный им самим на озере Светлояр. В 1913 году Сергей Николаевич создал издательство «Лирика», где воспринимался как идейный вдохновитель. Был секретарём Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва.

С начала Первой мировой войны Дурьлин занимает твёрдую православно-патриотическую позицию, сближа-

ется с неославянофилами. В лекции «Лик России. Великая война и русское призвание» (М., 1916), с чтением которой он выступает в 1914–1916 годах в Москве, Костроме, Рыбинске и других городах, война оправдывается провиденциальным предназначением России сберечь Православие, освободить славян и армян от гнёта Австрии и Турции. В книге «Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании» (М., 1915) Дурьлин говорит о «нашем единственном, но безмерном праве» на Константинополь, обусловленном почитанием Софии Премудрости Божией со времён Древней Руси.

Рукоположен в celibатные священники в 1920 году. Служил в храме свт. Николая в Кленниках, при праведном о. Алексии Мечёве (1920–1921). В 1922 году арестован по обвинению в занятии «скрытой антисоветской агитацией-деятельностью»; по решению Комиссии НКВД по административным высылкам выслан в Челябинскую область на два года. В 1924 году вернулся в Москву, работал внештатным сотрудником ГАХНа по «социологическому отделению» и домашним учителем в Москве и Муранове. В 1927 году — новая ссылка, в Томск, в 1930-м — переезд в Киржач, затем, в 1933-м, — возвращение в Москву и новый арест. Был освобождён стараниями жены — Ирины Комиссаровой, гражданский брак с которой был зарегистрирован в 1933 году в Киржаче.

С 1936 по 1954 год живёт в Болшево (ныне — район города Королёва), становится известен как искусствовед и литературовед (с 1938 года — сотрудник ИМЛИ, с 1944-го — доктор филологических наук, с 1945 года — профессор, заведующий кафедрой Истории русского театра ГИТИСа), автор многочисленных работ по истории литературы и театра. Однако сфера его подлинных интересов не ограничивалась официально признанным. Именно в Болшево Дурьлин продолжал и систематизировал свои исследования о Н. С. Лескове, К. Н. Леонтьеве, В. В. Розанове, ранних славянофилах; богословские труды, прозаические сочинения, стихи разных лет.

С 1924 года, в челябинской ссылке, Дурьлин начинает вести записи «В своём углу». Последняя тетрадь «Углов» была завершена в 1939 году, в Болшево, однако работа над корпусом текста в 1500 страниц продолжалась вплоть до 1941 года. С этим циклом логически и хронологически связан другой — «В родном углу», над которым Сергей Николаевич работал вплоть до самой смерти.

В 1943 году он получает степень доктора филологических наук. С 1945 года становится профессором ГИТИСа.

За исследования в области русской классической драматургии, сценической истории пьес, изучение проблем актёрского творчества награждён орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

С 1993 года в Болшево существует мемориальный Дом-музей С. Н. Дурьлина. Здесь же находится его архив.

Бог загрузил – и создал мир.

Неверно, что он создал его в радости.

Он создал его в грусти.

Но если ещё можно спорить о мире, то человека –

Человека-то он создал в великой грусти...

С. Н. Дурылин

Ускользающее бытие Сергея Дурылина

Даниил Семикопов

Передо мной одна из самых грустных, печальных книг, когда-либо мною читанных, — «В своём углу» С. Н. Дурылина. Эта книга — реквием по уходящей Руси, памятник эпохи, которая уже скрылась за историческим горизонтом. Мы, живущие в начале XXI века, прощаемся с призраками советской эпохи. А эта книга написана человеком, прощавшимся с Россией Серебряного века.

Серебряный век — век декаданса, осени русской цивилизации — имеет много бытописателей. Но кого мы не возьмёмся читать, неизменно встретимся с болью, грустью по исчезнувшей красоте. Серебряный век был эстетичен до крайности, но такая эстетическая напряжённость сделала его недолговечным. Всё поглотила революционная бездна и дальнейшие кровавые катастрофы XX столетия.

И вот автор пишет книгу воспоминаний, ткёт тонкую паутину из призрачных образов: они уже мертвы и для автора, они уже в прошлом, которое не вернуть, но они ему бесконечно дороги, и он пытается сохранить боль своей памяти на бумаге, не надеясь даже на то, что эти записи когда-либо увидят свет. Автора этих воспоминаний зовут Сергей Николаевич Дурылин, и жизнь его вместила в себя трагический двадцатый век. В молодости революционер, трижды сидевший в царской тюрьме, в зрелые годы — символист и соловьёвец, он перед революцией

становится духовным сыном оптинского старца Анатолия, чтобы уже после революционных событий стать celibатным священником. Дурылин служил на знаменитом приходе святого праведного отца Алексия Мечёва. В 1920-е его дважды арестовывают, и в результате он снимает с себя сан (по другим данным, сана он не снимал, но, оформив гражданский брак с духовной дочерью о. Алексия Мечёва Ириной Комиссаровой, по церковным канонам потерял право служить литургию). Только в 1930-е, годы самых страшных репрессий, он найдёт покой в доме в селе Болшево, где создаст своё гнездо, свой угол. И в годы репрессий, и в годы Великой войны он будет из этого своего угла писать статьи по истории театра и русской литературы, напишет книгу о своём друге, великом русском художнике М. В. Нестерове. По совокупности статей ему дадут звание доктора наук и профессора, наградят орденом Трудового Красного Знамени. Но всё это не погасит его внутреннюю боль.

Сергей Дурылин был другом В. В. Розанова, он знал Л. Н. Толстого, входил в символистское общество «Мускет» и общался с Блоком, Брюсовым, дружил с Велимиром Хлебниковым и Борисом Пастернаком, в котором первым разглядел великого поэта. Он был воспитателем и учителем Сергея Фуделя и протоиерея Сергея Сидорова (новомученика, расстрелянного на Бутовском полигоне в 1937 году). Был знаком он и с цветом русской философии, так как в 1910-е являлся секретарём Религиозно-философского общества

памяти Вл. Соловьёва. Дурылин переписывался с отцом Павлом Флоренским и был одним из первых софиологов, он — собеседник С. Н. Булгакова и В. Ф. Эрна, да и много кого ещё. Публикация его книги «В своём углу» прошла незамеченной, да и имя его позабыто. И это тоже вызывает боль, так как книга его по своей исповедальности и проникновению в самую суть особенностей русской религиозной мысли может заменить тома по истории русской философии.

Главный вопрос для православного читателя Сергея Николаевича: почему он ушёл из Церкви? Он, ученик старца Анатолия и праведного Алексия Мечёва? Дело даже не в том, снял он сан или нет. И не в том, женился ли он на Ирине Алексеевне Комиссаровой или их брак был фиктивным. Вполне очевидно, что Дурылин, посвятив себя Церкви в послереволюционные годы, отходит от этого служения.

«В своём углу» — исповедальная проза, и где, как ни здесь, искать ответа на данный вопрос?

Начнём с того, что такое, по Дурылину, христианство? «Повышенный пульс совести в организме человека и есть христианство, — отвечает он нам. — У кого он забился, как у Толстого, у Франциска Ассизского, у старца Амвросия, — тому стоять на тротуаре в пальто от Сиде уже невозможно. И тогда 9/10 культуры окажутся для этого человека Сиде»¹.

Эту заметку Дурылин делает по поводу одного воспоминания. Он с товарищами возвращался с поэтического вечера, устраиваемого обществом «Мусaget». В одной

Философ Василий Розанов

из подворотен увидели застрявший в грязи воз. Мужик стегал лошадь, но всё без толку, ему нужна была помощь. И тогда один из них, то ли философ Бердяев, то ли поэт Эллис, бросился ему помогать, и воз был освобождён. Но почему бросился именно этот один? Потому что на нём было старое пальто, которого не жалко, другие же были одеты в дорогое и новое платье. «Плохое пальто развязало Эллису руки на нужное дело добра, а хорошее — связало нам их»².

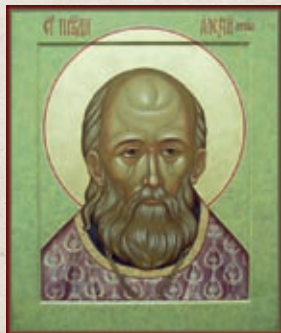
Этот отрывок показателен тем, что для Дурылина христианство неотмирно, оно — религия бродяг, странников, поэтов. Это ощущение будет сопровождать его всю жизнь, с юношеских революционных лет, когда он зачитывался книгами про Франциска Ассизского и был толстовцем.

Но кто такой Петя Картушин, поставленный в ряд с Франциском, Толстым и старцем Амвросием?

Петя Картушин был для Дурылина воплощением стилизированной религиозности. Он был учеником Александра Добролюбова — одной из легенд Серебряного века, ныне позабытой. В молодости Добролюбов был повесой и, начитавшись Бодлера, склонял молодых девиц к самоубийству, употреблял опиум и позволял себе другие шалости. Потом раскаялся, всё бросил и пропал. Видимо, был послушником в Соловецком монастыре, но, решив, что русское православие — уже не истинная Церковь, уподобился сектантам-бегунам. Странствовал по всей России, общался со старообрядцами, молоканами, баптистами и другими сектантами. Совратил двух казаков, уговорив их отказаться от военной службы, за что попал в сумасшедший дом. В начале XX столетия выходили его поэтические сборники, и он был очень известным. Но в советское время пропал: как потом оказалось, он стал обычным колхозником и опростился до того, что даже стал писать с ошибками. Умер в 1945 году, всеми забытый. Но в начале XX века шумный Мережковский, любящий парадоксы и дешёвые эффекты, сравнивает его с Франциском Ассизским в своей статье «Революция и религия»: «В самом деле, за пять веков христианства, кто третий между этими двумя — св. Франциском Ассизским и Александром Добролюбовым?»³ Дурылин Мережковского не любил, но любил Петю Картушина — самого искреннего последователя Добролюбова, прочитавшего сборник стихов и прозы последнего «Из книги невидимой», следуя которой он бросил мир, обеспеченную жизнь и стал богоискателем и бродягой. Будучи довольно состоятельным, он «избавлялся от собственности, давал деньги ленивому, кто только его просил: на книги, на издательства — толстовцам, православным, антропософам — всем, кто только верил в книгу „невидимую“, и учился читать её в себе — всё

Михаил Нестеров. Автопортрет

Праведный Алексей Мечёв

равно, сначала, — по Лао-Си, по Христу, по Штейнеру, — а потом, чем дальше, тем больше, душа его влеклась, но не суждено ему было остановиться на этом способе»⁴.

Петя Картушин погиб на Первой мировой войне. Он был санитаром в санитарном поезде, и душа его не вынесла вида войны, он сошёл с ума и покончил с собой. Для Дурылина это была

одна из крупнейших потерь в жизни. Петя был религиозен по определению. «Ткань души его была религиозна... От Пети только самый нечуткий не слышал этого запаха. Его душа, его молчание, его редкие слова, его открытки, его грустная улыбка — всё было религиозно пахуче. Я обеднел с его смертью. Давно, давно ни от кого не слышу такого запаха. А тяжко и скучно без него. У меня же его нет»⁵.

«Религиозный запах», исходящий от Картушина и Добролюбова, был многообразен и включал в себя и восточные и западные ароматы. Сам Дурылин в 1910-е увлекался и католической мистикой, и Лао-Си (Лао-Цзы). Именно Сергей Дурылин был комментатором первого полного перевода знаменитого «Дао-де-Цзин» на русский язык⁶, осуществлённого японским профессором Д. П. Конисси по благословению Л. Н. Толстого. Мешанина из даосизма, индуизма, конфуцианства и христианства — общая черта и для толстовства, и для добролюбовцев, но ни это главное

Михаил Нестеров. Философы Павел Флоренский и Сергей Булгаков

для Дурылина. Главное — их готовность бросить вызов всему и всем ради принятых рационально (как у Толстого) или иррационально (как у Добролюбова) идеалов. Действительно, религиозное начинается с готовности к жертве повседневным ради высшего, всё остальное без этого — религиозно бесполезно. Можно прекрасно знать богословскую литературу и интересоваться религией, можно быть профессиональным жрецом, но не быть верующим. Для Дурылина подвиг веры — первичное условие.

Конечно, даже при очень небольшом желании у Дурылина без труда можно найти ересь, да даже не одну. Так, заслуживает пристального внимания очень интересная тема предсуществования души, идущая в христианстве от Оригена, но без труда находимая и у Лермонтова, и у Толстого, и у Максимилиана Волошина, и у того же Дурылина.

Стихийный платонизм, с его учением о падших из божественного мира душах, всегда был близок русской религиозной стихии. Для Оригена, великого христианского богослова и неоплатонического философа III века, — человек есть предсуществующий земному миру дух, заключённый в материальное тело, как в темницу. В случае праведности он сбросит брненное тело и обретёт световидное эфирное тело. В случае же жизни неправедной он может стать демоном. Граница между человеком, ангелом и демоном — не качественная, не онтологическая, мы все — существа одной духовной природы. Ориген «прямо учит, что ангелы и демоны имеют тела, но тонкие, разреженные. Эфирное, световидное тело, именуемое „колесницей“ души, — это тело воскресения, какое есть и у ангелов. Тело демона (и воскресшего грешника) почти такое же тонкое, как и у ангела (праведника), за исключением того, что оно не светлое, а тёмное. Те, кто восстаёт на проклятие, имеют тела весьма подобные демонским»⁷. Но у Оригена, как и в наследующей ему монашеской аскетической традиции, демон — враг. А романтизм дружит с демоническим, откуда остаётся один шаг до отдающего бесовщиной декадентства Бодлера и его русских эпигонов эпохи Серебряного века.

Этой темы Дурылин в своём творчестве касался неоднократно. «В своём углу» он открывает рассуждение на эту тему с интереснейшей цитаты Толстого. В «Отрочестве» великий русский писатель обращает внимание на следующий парадокс: «Стоя перед чёрною доскою и рисуя на ней разные фигуры, я вдруг был поражён мыслью: почему симметрия? Это врождённое чувство, отвечал я сам себе. На чём же оно основано? Разве во всём в жизни симметрия? Напротив.

Велимир Хлебников

Борис Пастернак

Вот жизнь — и я нарисовал на доске овальную фигуру. После жизни душа переходит в вечность; вот вечность — и я провёл с одной стороны овальной фигуры черту до самого края доски. Отчего же с другой стороны нет такой же черты? Да и в самом деле, какая же может быть вечность с одной стороны! Мы, верно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о том воспоминание».

Это же мироощущение выражает Лермонтов в знаменитом «Ангеле»:

*Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз,
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

«У Лермонтова-мальчика эта убеждённости, что есть задняя вечность, сзади него, та, которая уже была и в которой он уже был, у Толстого-мальчика — убеждение, что не может не быть вечности „с другой стороны“. Одно и то же чувство, таящее одно и то же знание»⁸, — утверждает наш герой.

Своего, можно сказать, апофеоза эта метафизика достигает у одного из ближайших друзей Сергея Дурдылина,

Михаил Врубель. Портрет поэта Валерия Брюсова

другого великого русского поэта, Максимилиана Волошина в его поэме «Святой Серафим»:

*Каждый сам находит пред рождением
Для себя родителей. Избравши
Женичину и мужа, зажигает
В их сердцах желанье и толкает
Их друг к другу. То, что люди
Называют страстью и любовью,
Есть желанье третьего родиться.
Потому любовь земная — бремя
Тёмное. Она безлика
И всегда во всех себе подобна.
И любовники в любви невинны:
Нет душам в мир иного входа,
Как сквозь чрево матери. Ключарь же
Сам не знает, для кого темницу
Юдоль земной он отпирает.
Вечный дух, сливающийся с плотью,
Сразу гаснет, слепнет и впадает
В тёмное беспмятство. Отныне
Должен видеть он очами плоти,
Помнить — записями вещества.
Потому входящий в жизнь вначале
Пробегаёт весь разбег творенья:*

Борис Кустодиев. Портрет Максимилиана Волошина

*В чреве матери он повторяет пляску
Древних солнц в туманных звездвертях.
Застывая в чёрный ком земли,
Распускается животной, дремной жизнью
Незапамятного прошлого, покамест
Всё кипенье страстных руд и лав
Не сжимается в тугой и тесный узел
Слабого младенческого тела.
И, прорвав покровы чревных уз,
С раздирающим, бессильным криком
Падает на дно вселенных — землю.*

При написании своей поэмы Волошин советовался с Дурьлиным. Помимо «задней вечности» его интересовал и мотив молитвы за бесов, который Дурьлин обыгрывал в своём рассказе «Жалостник», опубликованном ещё в 1917 году. Если духовная природа ангелов, людей и демонов подобна, то Христос принёс жертву и за демонов. Действительно, если мы принимаем оригеновский апокатастасис, то есть всеобщее спасение, то вселенская Жертва простирается и на демоническую вселенную. Об этом писал Добролюбов в своей «невидимой книге»: «Я видел, как Он сходил в этот мир, в сердце каждой песчинки, проповедовал и зверям и растениям, даже в преисподнюю, даже в пустыни ужаса бездны и к гордому духу, врагу Своему, принёс Он свою жертву — неудержимую любовь Свою»⁹.

Рассказ «Жалостник» появлением был обязан именно этой добролюбовской идее. «Если есть всеединство твари,

вещества, человека и ангелов, то Христос пострадал за всех. Эта тема станет главной темой рассказа Сергея Дурьлина „Жалостник“, вышедшего отдельным оттиском в 1917 году: жалость к злу, желание протянуть луковку даже бесам и вытащить их из геенны»¹⁰.

Как известно, от жалости один шаг до сочувствия, и здесь надо понять эту тонкую границу. Молитва за демонов действительно встречается в православном предании, но это единичные случаи, что понимает и сам Дурьлин: «Это в житии Антония Великого (помнится), в молитве Исаака Сирина, за тварь всю, в том числе и за „демонов“, в том афонском изустном предании, которым я пользовался для своей повести. Но во всех случаях (как и в „Жалостнике“) утверждается, что это примирение с Богом невозможно, ибо в дьяволе нет вовсе добра и света. Лермонтовское определение Люцифера:

*Он был похож на вечер ясный:
Ни день ни ночь, ни тьма, ни свет.*

(стало быть, и свет, и день в какой-то доле) — совершенно не приемлется, сколько я знаю, ни догмой, ни преданием, ни прологами, ни даже народными сказаниями: Дьявол — зло сплошное, — но разнствующее по густоте: от злого губительства до мелкого пакостничества, но по существу — одно и то же: только тех же дьявольских щей да пожиже влей»¹¹.

Но Волошин включит тему молитвы за демонов в свою поэму:

*Инок удаляется в пустыню
Не бежать греха, но грех принять
На себя, собой его очистить;
Не уйти от мира, но бороться
За него лицом к лицу с врагом.
Не замкнуться, но гореть молитвой
Обо всяком зле, о всякой твари,
О зверях, о людях и о бесах.
Ибо бесы паче всякой твари
Милосердьем голодны, и негде
Им его искать, как в человеке.*

Можно сравнить эти строки с высказыванием аввы Исаака Сирина, к которому этот сюжет опосредованно восходит: «И что такое сердце милующее? — и сказал: возгорание сердца у человека о всём творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них, очи у человека источают слёзы, от великой и сильной жалости, объёмлющей сердце»¹².

Ключевое слово здесь, как нам представляется, — жалость. И не случайно рассказ у Дурьлина называется «Жалостник». Но вот парадокс, именно жалость-то и не совместима с оригенистскими установками. Для Оригена земное бытие — призрачно, это некий досадный эпизод по пути возвращения к Богу. Некая качественная разница в творении — дело времени; на самом деле бытие, вполне по-парменидовски, едино и божественно. О чём жалеть?

И зачем жалеть то, что пребывает во временном материальном мире?

Для Дурылина жалость — главная добродетель. «Если есть на земле что-либо нужное, без чего жить нельзя, умереть хорошо нельзя, то то жалость, и самый нужный — всем! — человек — это жалостник, это жалостница... Любовь? Нет, жалость яснее, проще, тверже... Трудно любить. Может быть, кому-нибудь из „вышнего звания“ и можно, и легко (нет, и им, наверное, не легко), а нам... трудно. Несказуемо трудно. А жалеть... Здесь скрепа всего бытия. Жалость — шёлковая нить, которою сшивают рвущиеся швы мировые, человеческие, природные, — бесчисленные, жалкие, страшные. Весь мир, весь человек, вся природа рвутся по швам. Вот-вот вывалятся внутренности... И шёлкова нить жалость — кое-как, наспех сошьёт их. И жизнь ещё теплится, и могила не всеобща»¹³.

У преподобного Исаака есть интересное высказывание, внутренне очень созвучное основной этической установке Дурылина: «Милосердие есть печаль, возбуждаемая благодатью, и ко всем сострадательно преклоняется: кто достоин зла, тому не воздаёт (злом), а кто достоин добра, того преисполняет (с избытком)»¹⁴. Дневники Дурылина исполнены жалости к тому и тем, кто уже скрылся за горизонтом времени, но кто упорно не отпускает сердце и память автора. Менее всего они обличительны, и это — хорошо! Если бы Дурылин взялся за критический разбор религиозно-философских воззрений тех, кого он знал, то он наверняка обличил бы и Толстого, и Розанова и многих других. Но если история есть суд, то воспоминания — прощение.

Дурылин не любил профессионалов; профессионал, в сущности, всегда патологоанатом. Современная цивилизация создана профессионалами, потому в ней всё так дифференцировано и узко специализировано. Специализация эта коснулась и веры. «Оттого и атеизм, что „Бог“ остался лишь в „специальных местах“ („проповеди“ и „проповедки“), в руках „специальных людей“ („батюшек“). А прежде был — всюду: в природе, культуре, искусстве, театре, скоморохе..., даже в „святом сатире“... Но не все ходят в „специальные места“, не все хотят слушать „специальные слова“ и иметь дело со „специальными людьми“, — и остаются сполна без встречи с „Богом“, — ибо „Бог“ и „о Боге“ остались только в специальных местах. Вот — колыбель умственного и душевного атеизма. А тут ещё их „ежедневный“ язык — убогий, жалкий, бескрылый, пытающийся лепетать о не ежедневном и вечном»¹⁵.

В этом «их» явно звучит отказ, дистанцирование от священнической среды. Если бы Дурылин ещё чувствовал

Сергей Фудель

себя священником, то было бы «наш», а не пренебрежительное «их». Но не следует забывать, что здесь с нами говорит и бывший священник, так и не ставший «своим» в среде духовенства.

Интеллигент, поэт, представитель изысканного эстетического декаданса Серебряного века не мог воспринять синодального православия с устоявшимися схоластическими формами проповеди. Вот он читает строчки Алексея Толстого:

*В стране лучей, незримой нашим
взорам,
Вокруг миров вращаются миры;
Там сонмы душ возносят стройным
хором
Своих молитв немолчные дары.
Блаженством там сияющие лики*

*Отвращены от мира суеты,
Не слышны им земной печали клики,
Не видны им земные нищеты.*

В этих строках Дурылин прямо ощущает бессмертие души. «Та юная весть о бессмертии души, полученная от второстепенного поэта, из немногих стихов, оказывается полнее, чище и свежее, чем та, которую я получил за протекшие 19 лет — от „специалистов“ по передаче этой вести...»¹⁶

Но кто эти специалисты, о которых говорит Дурылин? Ведь это не только простые священники, это и св. Алексей Мечёв, и о. Павел Флоренский, и о. Иосиф Фудель, и много кто ещё. То, что Дурылин подразумевает и их, следует из его комментария: «Исключение одно — о. Анатолий (преп. Анатолий Оптинский — С.Д.), но он никогда ничего не рассказывал: он был он, во всём и всегда отдельный и особый». Другие же рассказывали о бессмертии, и «это был слог и голос „Путеводителя Бедкера“ в сравнении со слогом и голосом Пушкина. Какой ужас — профессиональное, изо дня в день, рассказывание о бессмертии! Чем чаще и увереннее рассказ, тем больше в нём глухоты и немоты. И вот изумилась душа... опять напав на старые страницы, опять слышав:

В стране лучей, незримой нашим взорам...

Она начинает с грустью вспоминать забытое и совершенно достоверное... И для того, чтобы ей вспомнить, ей надо забыть: „Братия, в прочитанном сегодня Евангелии...“ — обычное начало рассказчиков о бессмертии»¹⁷.

У Дурылина был особый слух на музыку поэзии, в речах проповедников он этой музыки не услышал и вынес свой приговор. Но у этой разделённости веры и искусства, духовенства и интеллигенции было множество причин, начиная с эстетической революции Ренессанса и заканчивая синодальными порядками, заключившими духовенство в строгую сословную систему. Дурылин остро переживал

разрыв религиозной и эстетической сфер в современной цивилизации, их не то что несовпадение, но даже их не пересечение, и в этом суть его личной трагедии. Русская культура синодальной эпохи прошла мимо Церкви, они друг другу оказались не интересны и так и не научились говорить на понятных друг другу языках. Конечно, были интеллигенты, вошедшие в Церковь, но они, как правило, чувствовали и чувствуют свою «инаковость» в традиционной священнической среде, не привыкшей к творческим порывам, всегда чреватых инакомыслием. За примерами далеко ходить не надо, вспомнить хотя бы о Павла Флоренского с его магическим неоплатонизмом, или о Сергия Булгакова с его софиологией. Но Сергею Николаевичу не хватало в духовенстве как раз творчества. «Какое творческое бесплодие нашего духовенства! Оно дало Чернышевских, Добролюбовых..., — эту тяжелейшую обиденщину русской литературы, — но не дало ни одного поэта, ни одного композитора... Даже поэзии иконы духовенство не почувствовало: великое открытие иконы как художества (10-е годы XX в.) было сделано не только руками, а из рук духовенства, а очень часто и при сопротивлении этих рук (к счастью, теперь невозможного)»¹⁸. Этим счастьем для Дурылина была передача икон в советские музеи. И здесь бы и интеллигент Флоренский мог бы упрекнуть его за непонимание того, что икона живёт только в храме; а в музее, где перед ней не совершается молитва, она превращается в своего рода мумию, забальзамированный труп, хранящийся при определённой температуре и влажности под прочным стеклом.

Претит идеалисту Дурылину и материализм православного духовенства. Пожалуй, здесь уместно привести пространное рассуждение из его мемуаров: «Духовенство было озабочено умножением населения бывшей Российской империи и потребных для этого материальных ресурсов... Вот были истые „экономические материалисты“!... Впрочем, можно сказать, что они исполняли ветхозаветную заповедь: „Плодитесь и множесь!“ Вас. Васильевич [Розанов] их за это уважал. Правда, я бы мог, пожалуй, напомнить ему тут Чацкого:

— Чтобы детей рожать, ума кому не доставало...

Но и сам не люблю этого стиха, — да и Вас. Вас-ч сказал бы мне на это, что Чацкий — дурак, но „чтобы детей рожать“... действительно требуется не ум, а кое-что такое, в чём Чацкие не из первых мастеров: какая-то охота к „быванию“... *некая теплота бывания* (бытие холодно и звёздно, *бывание* тепло и земно)... Чацкому и Чацким

Константин Леонтьев

(а кто из интеллигентов был не Чацкий) с женой хочется разговаривать, а батюшке — спать, и потому с батюшкой жене теплее и плодoviee (от тепла), чем с Чацким. Батюшка из постели не спешит, если утреню ему не служить, а Чацкий, если и не спешит, то и в постели норовит поговорить о Прудоне»¹⁹.

Вслед за любимым им В. Розановым Дурылин замечает в этом некое противоречие. С одной стороны — аскетизм Марии, с другой — хлопотливость Марфы. Но, проповедуя необходимость аскетизма «по Марии», в быту духовенство всегда устраивалось «по Марфе», что так импонировало Розанову. «Чем чаще домовитая Марфа отгоняла Марию от ног Иисусовых, тем плодoviee было русское духовенство, и, судя по его многочадию, Марфа была достаточно

энергична»²⁰.

Нельзя отказать Дурылину в тонкости наблюдений и «розановском» остроумии. Но так ли уж хорошо всё это творчество само по себе, всё это фаустовско-мефистофельское в человеке? Задача ли духовенства производить поэтов, писателей, композиторов? В ответственности ли оно за культурную сложность? Пожалуй, что нет. Да и слова проповеди по Евангелию большинству (подавляющему большинству человечества) более понятны, чем поэтические изыски. Да и детки всё-таки ценнее стихов, уж тут бы Розанов поставил Дурылина на место. Да и интерес к искусству и культуре у части духовенства был. Взять того же преподобного Нектария Оптинского, которого Дурылин лично знал и почитал. Как известно, старец интересовался современным ему искусством. «Про Ходасевича: слушая „Тяжёлую меру“, сказал: „Вот умница“. О Блоке. Нравилась стихи о Прекрасной Даме и „Итальянские стихи“.

— Он теперь в раю. Скажи его матери, чтобы она была благонадёжна.

Проявлял большой интерес к Хлебникову. Последняя книга, которую мы читали батюшке в Оптиной, были статьи Шпенглера (“Закат Европы”)»²¹.

Но вот он же, ценя искусство, понимал то, чего отказывался понимать Дурылин: «Заниматься искусством можно так же, как столярничать и коров пасти; но всё это надо делать как бы пред Божиим взором... Все стихи мира не стоят одной строчки Священного Писания»²².

Однако во многом Дурылин в своей критике в адрес русского православного духовенства был прав. И сейчас среди духовенства предостаточно и материализма, и формализма. Но этого почти невозможно избежать при постоянном

нахождении в церковной ограде. Для кого-то смерть — потрясение, а для кого-то — обыденность (для священника или для медсестры в реанимации), и от этого никуда не уйти. Если бы врач переживал смерть каждого больного как личную трагедию, то он не смог бы работать.

Но если от врача люди требуют только профессионализма, то от священника ждут ещё и чего-то большего — утешения, благодати, прикосновения к иному. А получается не всегда.

Относительную справедливость слов Дурылина автор этого очерка понял на собственном примере, на похоронах друга, внезапно умершего и ещё молодого, практически ничего не успевшего в свои 37 лет. Гроб опускали в могилу на одном из захламленных городских кладбищ, где, как говорится, могила лезет на могилу. Мы стояли втроем, поодаль от родственников: я, мой друг (светский человек) и священник, тоже друживший с покойным. И в ответ на сокрушения

Преподобный Антоний Великий

моего товарища о ранней смерти нашего друга священник отвечает: «Господь забирает лучших, теперь он там будет молиться за нас» и пр. И вроде бы всё правильно, но как-то банально и по казахизису. И досадно стало, а друг просто возразил: «Но мне здесь его будет не хватать», и это звучало искренне, в унисон нашей скорби, а батюшка внёс диссонанс.

И некоторое время спустя, работая над этой статьёй, я прочитал у Дурылина следующие слова на подобный же случай: «Всё же обычные речения вроде: „Там ему лучше“, или: „Быть может, Бог спас его от тяжёлой жизни“, или: „Кто знает, что ждало бы его в будущем?“ — все эти обычные опыты конкретной теодицеи над трупом, — все эти утешения, кото-

рые твердят в подобных случаях участливые священники вроде отца Алексея и вообще все хорошие люди, кажутся мне кощунствами и утешениями лукавого старца Луки из „На дне“. Какой великой святыней звучит в сравнении с ними не только великое слово: „Бог дал — Бог и взял“, но если нет на него силы, на это суровое слово, то даже простое, страдающее человеческое „не знаю“ — лучше и прекраснее, или полное молчание, живая, недоуменная, точащая сердце боль молчания»²³.

Одним из любимых мыслителей Дурылина был К. Н. Леонтьев. Он не мог его знать, но племянница Леонтьева именно Дурылину завещала его архив, и в судьбе Леонтьева и Дурылина немало параллелей. Конечно, Леонтьев был «Алкивиад» с буйным нравом, это был эстет действия, а не страдающий в своём углу интеллигент. Но эстетизм, влюблённость в культуру и самобытные её формы привлекали в Леонтьеве Дурылина.

Оба любили земную красоту во всех её культурных проявлениях, и не могли от неё отказаться. Характерен случай, который Леонтьев рассказывает в жизнеописании о Климента (Зедергольма), лютеранина, ставшего иеромонахом в Оптиной пустыни. Как-то у него с Леонтьевым вышел спор по поводу культурного многообразия. О Климент был очень ригористичен и требовал от Леонтьева интеллектуальной аскезы. «Надо идти дальше и чувствовать духовное омерзение ко всему, что не Православие», — увещевал он Леонтьева. «Зачем я буду чувствовать это омерзение? — воскликнул я. — Нет! Для меня это невозможно. Я Коран читаю с удовольствием.

— Коран — мерзость! — сказал Климент, отвращаясь.

— Что делать! А для меня это прекрасная лирическая поэма. И я на вашу точку зрения не стану никогда. Я

Портрет Владислава Ходасевича, выполненный его племянницей Валентиной Ходасевич

не понимаю этой односторонности, и вы напрасно за меня опасаетесь. Я Православию подчиняюсь, вы видите сами, вполне... Ум мой я упростить не могу»²⁴.

Леонтьев не мог упростить ум, Дурылин — сердце. Не имея мистического опыта, они слышали голос иного в земных культурных формах и держались за них, поскольку тот, кто не слышит голос Божий напрямую, может услышать его в этом культурном отражении. Но если нет и этих форм, которые были сформированы тогда, когда люди ещё знали Бога, то что остаётся? Сумрак богов.

Замечательный отечественный философ В. В. Библихин выразил суть подобного мировоззрения следующим образом: «Мы мало что поймём в Леонтьеве, пока будем повторять, что он любил красивое и потому не терпел европейского костюма... Пусть в нищей и пышной, растрёпанной и могучей России богатство жизни почти на глазах оборачивается увяданием и концом. Но это вместе, жизнь и смерть, жизнь, которая смерть, и смерть, которая жизнь, в их раздоре, в тоске по бессмертию — проходящей через середину человека, иначе не получается, даёт присутствовать вечному. В панике и боли даёт о себе знать тайное присутствие спасения. Ни в каком ложном покое, нигде, кроме как в тревоге души, спасение и не найдёт себе места на земле. Леонтьевское охранение было сбережение, через боль, широты бытия. Он звал хранить не турецкие фески и русские сарафаны, а человеческое существо, которое самим своим отчаянием не даст настоящему забыться... Только в тоске по уходящему бытие не прекращается»²⁵.

Именно так. Тому, кто не достиг богопознания, Бог и открывается через другие, сотворённые формы — Писание, Предание, богослужение, красоту творения. В средневековом традиционном обществе всё было пронизано божественным. Затем всё разделилось, и культурные формы стали ветшать. А потом через них стали говорить другие голоса. И уже в романтизме, у того же Лермонтова, то говорят ангелы, то бесы. А далее вдруг наступила гробовая тишина. С какого-то момента всё умолкло, и остались тоска и печаль. Сам Дурылин это прекрасно понимал: «Пусть дурны были когда-то и там-то патриархи: папы, имамы, равнины, бонзы, пусть они были корыстны, алчны, развратны, невежественны, пусть много лжи и обмана было в книгах, обрядах и делах веры... но... *верилось*, — совершенно также, как в молодости *естся, спится, может*... Но вот пришёл какой-то роковой рубеж времён — и не естся, и не пьётся, и не спится, — а пища стала не хуже, пожалуй даже лучше,

Поэт Шарль Бодлер

питьё не прогоркло, и постель как будто мягче — и, однако, всё худо, всё противно. *Не может*: молодость прошла... И ни книги, ни люди, ни дела — ничто не помогает.

— Веруйте: как это прекрасно: верить!

— Согласен, что прекрасно, но... не верится.

— Веруйте: как это мудро: верить!

— Убеждён, что мудро, но... не верится.

— Веруйте: как это нравственно и блаженно верить!

— Не спору, что блаженно, но... не верится!»²⁶

Парадоксальным образом, именно через культуру, через эстетизм (а не вопреки ему, как часто говорят) Леонтьев пришёл к Богу, так как только высшее, трансцендентное придаёт культуре смысл. Если красота музыки есть просто некий субъективный психологический момент, то «Страсти по Матфею» Баха качественно не отличаются от современной музыкальной пошлости нынешних поп-групп. Но Бах вечен, вечен Пушкин, и вечны

Пётр Заболотский. Портрет поэта Михаила Юрьевича Лермонтова

Неизвестный художник. Портрет Оригена

они той вечностью, которая просвечивает сквозь ткань их творений.

Но люди уже несколько столетий почти не слышат Бога, а в последнее столетие они теряют и культурный слух, и мы попадаем в ситуацию не только «смерти Бога», о которой так любят рассуждать со времён Ницше, но и смерти смысла и красоты. Леонтьев был сильной натурой, он пришёл к необходимости веры и заставил себя поверить вопреки всему. Дурылин не обладал такой силой. Ему так хотелось услышать голос с *той* стороны. «Если б встал он, милый друг детства, верный спутник юности, — встал со своего уготованного места и пришёл, тихо постучавшись в скрипучую дверь земного бытия, — и, присев на краешек моей постели, не пугая, шепнул бы мне на ухо: „Всё, Серёжа, там есть; и есть самое *там*“. И ушёл бы, улыбнувшись, так же тихо, как вошёл, — ему бы с его беспредельной честностью мысли и сердца, ему бы как не поверить? Поверил бы!.. И ждёшь, что милый друг сядет на край постели и окликнет тихо: „Серёжа!“ Нет, никто не окликнет, никто не придёт. Могила. Деревья над ней, и людское забвение над тем, кто в ней»²⁷. Но голоса не было. Казалась бы, жизнь прожита достойно, он многих знал и много видел, много совершил. Но покоя и мира в душе не было, а были тоска и печаль по невозвратно ушедшему.

Советский профессор и бывший священник Сергей Николаевич Дурылин умрёт 14 декабря 1954 года. Перед смертью он скажет своей жене, чтобы она хоронила его

на своё усмотрение, как священника или как мирянина. Его похоронят как мирянина.

Сомнения и надежды сопровождали его до конца, и он до конца верил и надеялся. Каждый год он пытался бывать на пасхальной заутрени. «“Плотию уснув, яко мертв, царю и Господи! Трдневне воскресл еси, Адама воздвиг от гли, и, упразднив смерть, пасха нетления, мира спасение“. Всегда, всегда — слышу это — и ощущаю: голос тех, коих считаем мы мёртвыми, голос отшедших живых присоединён к голосам живых неотшедших, — и в этот миг как бы исходит из преисподних земли, и сияет надеждою с нами, и утверждает правду и силу вести сладчайшей: Христос воскрес!».

Воистину воскрес, Сергей Николаевич!

Примечания и библиографические ссылки

- 1 Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 484.
- 2 Там же. С. 483.
- 3 Мережковский Д. С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб., 1908. С. 104.
- 4 Дурылин С. Н. Цит. соч. С. 102.
- 5 Там же. С. 102–103.
- 6 Лао-Си. Тао-те Кингъ. М., 1913.
- 7 Петров В. В. Учение Оригена о теле воскресении в контексте современной ему интеллектуальной традиции // Космос и душа. Учение о вселенной и человеке в Античности и Средние Века. М., 2005. С. 607.
- 8 Дурылин С. Н. Цит. соч. С. 530.
- 9 Добролюбов А. Из книги невидимой. М., 1905. С. 169.
- 10 Резвых Т. Н. «Ищущий града»: неоплатонические мотивы в работах С. Н. Дурылина 1910-х годов // С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. Исследования. М., 2010. С. 285.
- 11 Дурылин С. Н. Цит. соч. С. 731.
- 12 Преп. Исаак Сирий. Слова подвижнические. М., 1993. С. 205–206.
- 13 Дурылин С. Н. Цит. соч. С. 802–803.
- 14 Преп. Исаак Сирий. Слова подвижнические. С. 420.
- 15 Дурылин С. Н. Цит. соч. С. 343.
- 16 Там же. С. 340.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 432–433.
- 19 Там же. С. 433.
- 20 Там же. С. 436.
- 21 Вениамин (Федченков), митр. Встречи со святыми. М., 1999. С. 184.
- 22 Там же.
- 23 Дурылин С. Н. Цит. соч. С. 296.
- 24 Леонтьев К. Н. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем. Т. 6(1). СПб., 2003. С. 331, 333.
- 25 Библихин В. В. Другое начало. СПб., 2003. С. 127.
- 26 Дурылин С. Н. Цит. соч. С. 331.
- 27 Там же. С. 311.

Архимандрит Тихон (Затёкин)
Священномученик Лаврентий, епископ Балахнинский. Жизнеописание.

Новая книга архимандрита Тихона (Затёкина) посвящена описанию жизни и святительского подвига vicария Нижегородской епархии, епископа Балахнинского

Лаврентия (Князева), настоятеля Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря — одного из первых нижегородских мучеников XX столетия, прославленного в 2000 году Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в лике новомучеников и исповедников Российских.

Предлагаемая вниманию читателей работа — на сегодняшний день фактически первая попытка биографического описания жизни и подвига священномученика епископа Лаврентия, выполненная на основании архивных документов и публикаций из церковной и светской печати.

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь, оказанную при написании данной книги, родственникам священномученика Лаврентия — И. А. Преображенскому и О. А. Победоносцевой. Особая благодарность — С. В. Звереву за предоставленные материалы для написания первой главы данной книги, а также А. Н. Лушину — родственнику священномученика протоиерея Алексея Порфирьева.

В издательстве московского Сретенского монастыря вышла в свет книга иеромонаха Георгия (Соколова) «Станет ли зло бессмертным?». Автор исследования — сельник Благовещенского мужского монастыря Нижнего Новгорода, выпускник Нижегородской духовной семинарии, а его труд — выпускная дипломная работа.

В своём исследовании отец Георгий затрагивает одну из важных тем в свете последних достижений в области наномедицины — проблему старения. С богословской точки зрения он рассматривает круг вопросов, связанных с попытками учёных найти возможность продления человеческой жизни. Но что несёт людям обретение бессмертия? И какую цену придётся за это заплатить? Автор пытается найти ответы на эти вопросы в своей книге.

Философский кружок

18 мая в Нижегородской духовной семинарии состоялось заключительное заседание философского кружка в этом учебном году. Это было второе заседание из цикла встреч по традиционализму. Тема звучала так: «Традиционализм и современное сравнительно-историческое религиоведение». Среди гостей были Фёдор Александрович Дорофеев, заведующий кафедрой истории религии и культуры ННГУ, Максим Викторович Медоваров, молодой учёный, аспирант истфака ННГУ, и грузинский писатель и мыслитель Василий Соломонович Кукунашвили. На встрече присутствовали студенты НГМА, НДС, НГПУ, ННГУ и других вузов Нижнего Новгорода.

После небольшого вступления Даниила Викторовича Семикопова, возглавляющего философский кружок, слово было предоставлено одному из постоянных участников заседаний, заведующему кафедрой истории религии и культуры Фёдору Александровичу Дорофееву. В своём выступлении

он рассказал о зарождении в XX веке таких наук, как религиоведение и этнография. Также он ознакомил присутствующих с теорией прамонотеизма Вильгельма Шмидта, который выдвинул идею о существовании монотеистической прарелигии. (Многие племена примитивной стадии развития имеют инициативный миф, содержащий учение о едином Боге-Космократоре, возвышающемся над всеми прочими духами, обращаться к которому можно только в исключительных случаях). Далее слово взял основной докладчик, специалист по традиционализму, аспирант истфака ННГУ, представитель МКК ННГУ Максим Медоваров. Он рассказал о подобных теориях прамонотеизма в учениях Германа Вирта, Рене Генона и Мирчи Элиаде.

В последующей дискуссии основным вопросом был структуралистский подход в религиоведении. Максим Медоваров утверждал, что при применении этого подхода любая религиоведческая школа независимо приходила к выводу о существовании

в изначальные времена некоей хорошо структурированной и чёткой прарелигии, примордиальной Традиции.

С другой стороны, противники такого подхода (И. М. Дьяконов) остались верными эволюционизму и считали мышление первобытных людей неразвитым и примитивным, не способным к созиданию единых метафизических теорий. Возникшее сходство различных религиозных схем и мифов можно объяснить природой и физиологическим сходством мозга человека.

Далее дискуссия перешла в свободное русло. Участников встречи интересовало множество вопросов, начиная от роли лингвистики в развитии религиоведения до места религии в современном обществе и жизни каждого человека.

Стоит отметить, что большое внимание в дискуссии уделялось именно традиционализму. Звучали вопросы о противоречиях, встречающихся в этом философском учении. Был проявлен большой интерес к изучению влияния, которое оказал на религиоведение традиционализм.

В конце встречи все участники согласились, что религиоведение так же важно, как и теология; большую роль в развитии этих наук может играть традиционализм; вопросы, которые ставят данные науки, должны быть изучаемы более подробно и основательно современными социологами и богословами.

После встречи участники философского кружка поделились своими впечатлениями.

Ф. А. Дорофеев, заведующий кафедрой истории религии и культуры ННГУ имени Лобачевского, постоянный участник заседаний семинарского философского кружка:

«С большим удовольствием принимаю участие во встречах членом и гостей философского кружка в Нижегородской духовной семинарии. Поражает атмосфера открытости, свободы и доброжелательности. Приятно радуется разнообразию пристрастий

приглашённых гостей, умение хозяев выслушать не всегда удобное для них мнение, не поступившись собственной позицией. На последнем в этом учебном году заседании присутствовали не только традиционные уже гости-студенты из других вузов Нижнего Новгорода, но и граждане Грузии и Китая. Это ещё раз подтверждает актуальность избираемых студентами тем, интерес к их позиции, которая через несколько лет будет влиять на нравственный и культурный климат нашего Отечества».

Васо Кукунашвили, грузинский писатель:

«Философский кружок при Нижегородской духовной семинарии — на мой взгляд, очень актуальный формат общения учёных, профессоров-преподавателей и студентов. Сегодня Россия и живущие в ней народы нуждаются в углублении в ментальную реальность, в определении и упорядочивании системы духовных ценностей, без которой невозможно самоутвердиться и спокойно чувствовать себя в эпоху глобализации. Мне, к сожалению, всего лишь раз пришлось участвовать в работе кружка, и, признаюсь, я получил массу положительных эмоций, сделал полезные для себя заключения и, что

немаловажно, познакомился с очень интересными людьми. Талантливо подобранный формат общения на темы, поднимаемые на заседаниях, думаю, имеет безграничные возможности отражать в себе самые глубинные слои нашей жизни. И это замечательно — тем более, когда это делается совместно разными поколениями. Отдельно хочу отметить дипломатичность, доброжелательность, профессионализм руководителя кружка — профессора Даниила Викторовича Семикопова, которые одновременно сочетаются с глубиной его суждений. Как говорят в Грузии, «каков тамада, таково и застолье».

Максим Медоваров:

«Я уже не первый раз принимаю участие во встречах философского кружка в стенах нижегородской духовной школы. И последнее заседание, на мой взгляд, было полезно, потому что способствовало донесению религиозных теорий до более широкой аудитории, более открытому обмену информацией и мнениями, пробуждению интереса к проблемам истоков человечества».

МАТЕРИАЛ ПОДГОТОВИЛ
Михаил Белозёров,
студент НДС

Вечная память

В канун праздника Святой Троицы, 2 июня, ушёл из жизни иерей Андрей Тимаков. Отец Андрей закончил Нижегородскую духовную семинарию в 2006 году и служил в Йошкар-Олинской епархии. В марте 2012 года батюшка поехал на потребу и попал в страшную аварию, больше двух месяцев он находился в коме. Спасти его не удалось. У отца Андрея остались мать и ребёнок. Учащие и учащиеся Нижегородской духовной семинарии, все, кто учился вместе с отцом Андреем, скорбят о безвременной кончине доброго пастыря и возносят свои молитвы об упокоении его души. Родным и близким покойного — искренние соболезнования и помощи Божией в постигшем их испытании.

Иван Чуркин

ВОЙНА

За нашими коноплянниками — глубокий овраг с покатыми склонами. Наверное, здесь рос бы березняк, но мужики приохотились в этих травяных ложбинах сенокосничать. Не валки сваливать, не копны ставить, а так, по мелочи, для телят стригли литовками разнотравье. Если осень и сорила берёзовыми семенами, и они прорастали жиденькими побегам, всё равно жильцами не становились — попадали вместе с травой под косы и съедались домашним молодняком.

Зато с весны до осени здесь была настоящая скатерть-самобранка. Не успеет ещё талая вода навеселиться, как по склону виднеются наши головы. Ребятишки рвут первоцвет и наедаются всласть молочной зелени. Потом вместе с гусиными лапками, худенькими желтоватыми цветочками, лезет щавель, тут уж нам и вовсе раздолье — родители посылают принести нежную зеленоватую кислятину для завтрашних пирогов. А пока рвёшь, сколько щавеля этого, молодого, сочного, наешься!

Как только клубника отцветёт, мы не раз на бугор сбегает: каждый для себя местечко примечает, где клубники больше всего цвело, и по всему склону несётся:

— Чур, моё! Чур, моё!

Это мы так своё место огораживаем. А как только ягоды клубники с одного бока закраснеются, никого нигде искать не нужно — с утра до вечера мы ползаем по склонам, рвём ягоду и бросаем её в рот, и в банки. Только едим больше, чем для дома собираем, ягода сладкая, не горчит, как земляника, и много её никогда не бывает.

А дальше начинаются маленькие неказистые рощицы. Кишкина и взаправду на кишку смахивает. Тонкая, извилистая, как будто на змейку-медянку похожа, но сноровистая. Мелкие ёлки понизу разбежались, к небу совершенно не поднимаются, а ширятся, толстеют и тропинку загораживают. Здесь всегда сыро; даже трава, как на лысой голове волосы, редкая. На бугры берёзки карабкаются, все спины себе поизломают, потому ни одной ровной, все горбатые.

Мы не любили Кишкину, как не любили и Коровью вершину. Деревенским пастухам она нравилась. Посредине этой рощицы был широкий луг, а вход и выход один. Луговина

со всех сторон окружена прямыми склонами, туда и загоняли на водопой стадо пастухи. Загонят коров, сами разместятся у прогона, выход и закрыт. Не только поесть можно, но и вздремнуть. Коровы потопчутся-потопчутся, поревут, пожалуются, да и улягутся.

Где уж нам было по сердцу, так это в Камне. Уютная рощица, просторная, куда ни глянь — везде солнышко, хотя ели густые, березняк плотный. Около тропинки, бегущей наверх, — большой камень, поросший мхом. Как, бывало, приятно в жаркий полдень посидеть на нём, влажном и прохладном. А чуть поднимешься по тропе — и попадаешь в царство света, радости. Если где и водилось бесчётное множество шмелей, то только тут. Если где и рос дикий лук, так только в Камне.

Отсюда, утопая по уши в пушистом снегу, мы накануне Рождества обязательно приносили ёлку домой. Нам казалось, что от неё шёл не только еловый запах, но ещё и запах лета — увядшей «куриной слепотой», выгоревшей «кашицей» и перезрелой земляникой.

С рождественской ёлкой вообще чудеса творились. Крохотные, мы в Камне выбирали самую высоченную ёлку. Нет бы срубить маленькую, аккуратную, чтобы по силам до деревни донести, так нет, нам нужна была самая густая и высокая. С утра её подрубили под корень, а приволакивали домой уже потемну.

Взрослые ругали нас весело, выносили пилу и отпиливали макушку. И хоть и маковка, а получалась ёлка во всю комнату — широкая, нарядная, с шишками.

О том, что с утра во рту маковой росинки не было, никто не вспоминал, все усаживались за бумагу, краску, клей, и начиналось чудо. Кто зверушек рисовал, кто их вырезал, кто раскрашивал, и уже

поздно-поздно вечером ёлка становилась нарядной, разноцветной, и начинались хороводы.

Жила в нашей деревне в ту пору бабушка-одиночка. Совсем одна, ни родственников у неё, ни друзей. Как она в нашей деревне появилась и откуда, тоже никто не знал. Откупила крошечный домик под церковной горой, в нём и жила. Мирно жила, тихо и скромно. Много по нашим роцам ходила, грибов приносила видимо-невидимо, и все знали, что душистее солёных валуев, чем у бабки этой, в деревне не было.

Малюсенькая росточком, но весёлая. Водилось за ней одно чудачество — она курила. Никто у нас отродясь не видел, чтобы тётка, да ещё и бабушка, курила. Звали её Пашей, а в деревне все называли Пашей-курилкой. Так вот, каждый раз, как только ёлка была наряжена, раздавался стук в окно, и все, не сговариваясь, в один голос кричали радостно:

— Паша идёт!

И вправду — она. Раскутывала себя от многочисленных платков, сбрасывала с плеч худенькую, протёртую до дыр шубейку и раскидывала крестом руки:

— Ну-ка, становись.

И мы становились в хоровод, и начинались песни и пляски: впереди Паша, а мы возле неё. До сих пор помню старую песню, с которой начинался наш детский рождественский вечер:

*Как за нашим за двором
Росла трава шелкова,
Зелёная мурава.*

Мы в хороводе, друг за другом изображаем, кто дом, кто луг перед домом, кто траву-мураву, а песня продолжалась:

*По той траве панья шла;
За панью пан идёт,
Кричит: панья ты моя!*

— А я, сударь, не твоя, — *Родимаго батюшки,
Сударьни матушки.*

Постарше ребята начинают кавалера изображать, важничать, нижнюю губу до носа дотягивают. Одна рука за спиной, другая за отворот рубахи засунута, а Паша как раз панью изображает. Кокетничает, руками от женихов отмахивается и звонко, совсем по-девичьи, смеётся и поёт.

А после каждой песни лезла в карман фартука и доставала оттуда карамельки — нарядные, крепкие, сладкие-пресладкие.

Паша не делала перерыва после хоровода, а оставалась, поправляла платочек на голове, подходила к божничке и тихо-тихо начинала:

— *Рождество Твое, Христе Боже наш,
озарило мир светом знания,*

*ибо чрез него звёздам служащие
звездой были научаемы
Тебе поклоняться, Солнцу правды,
и знать Тебя, с высоты Восходящее Светило.
Господи, слава Тебе!*

Взрослые подпевали, а мы стояли, заворожённые. ...Какое было весело в Камне по осени. Все поляны покрывались золотинками, а под ними, чаще всего под берёзовыми листьями, стайками росли, прижимаясь плотно друг к другу, чёрные грузди. Большие, с шапку вымахают, а к ним такая малышня прижмётся, что больше помнёшь, чем в лукошко положишь. Зато никогда с пустыми руками домой не придёшь. С геройского плеча лукошко в сених поставишь, рядом сядешь и дожидаться, пока кто-нибудь из взрослых из комнаты выйдет.

— Батюшки мои, как же ты столько донёс, — возрадуется голосок бабушки, — вот уж молодец так молодец! Ну, нечего нам печалиться, всю зиму с грибами будем.

И начнётся суматоха.

Сначала грибы в большое корыто положат, водой колодезной зальют. Потом промоют и ещё раз водой накроют, а потом отправятся в огород за смородиновыми и вишнёвыми листьями. Как только в кадке чёрные грузди на место лягут, такой запах по всему дому разольётся, что кажется — в окно снова весна постучалась.

Была у нас в Камне и своя тайна. У подножия одного из склонов прижилась лисица. Жила себе тихо, никому не мешала, и ведь что удивительно — на нас никакого внимания не обращала, совсем не боялась. Мы-то её побаивались. И хотя Сашок Калмыков всегда говорил: «Подумаешь, лиса, глупое создание», но зверь — он, хоть и малюсенький, всё равно зверь. Поди разгадай, что у него на уме. Да нас не столько лиса занимала, сколько её детёныш.

Каждую осень у лисицы был только один детёныш, и такой забавный и доверчивый, что на наши голоса выходил из норы, усаживался, как собака, на задние лапы и крутил головой во все стороны. Куда мы пошли, и его взгляд за нами. Куда мы побежали, и он свой сопливый носик в нашу сторону направляет. До тех пор сидит, пока мама-лисица с охоты

не вернётся. Ткнёт детёныша в бок и — в нору, и тот — за ней.

А ещё посредине рощицы высился бугорок с острым верхом. Летом на нём было уютно лежать на солнышке, а зимой не так страшно съезжать на лыжах. Словом, любили мы все, без исключения, эту весёлую рощицу.

Только однажды напугались мы в Камне. Только-только пристроились на макушке высокого бугорка позагорать, поскидали штаны и рубахи и улеглись уютно на прохладную травку. Только-только начинался наш нескладный разговор вперемешку со смехом и подколками. И Шурган Войнов принёс нам берёзовые ветки, чтоб отгонять комаров... Как вдруг небо сначала ухнуло гулко, а потом раздался удар такой силы, будто несколько громов сошлись воедино.

Мы прижались к земле, впились в неё, закрыли руками головы.

— Это что такое? — не помню теперь, кто произнёс первые слова.

— Бомбят, — высказал кто-то предположение.

— Война, наверное, опять фашисты, — это уже Сашок Калмыков. — Я только вчера кино в клубе смотрел. Про войну. Там всё так начиналось.

— Перебьют нас, а как же дома?

— Дома тоже не лучше. — И в эту минуту над нашими головами пролетел кукурузник.

— Кукурузники на войне не воевали, — прошептал я, скорее для себя, но услышали все.

— Много ты знаешь, ещё как воевали. Тебе же говорят русским языком: только вчера в клубе видел.

— Пряма так и разглядел кукурузника.

— Вот и разглядел, ты что — не веришь? — сжал кулаки Сашок.

Но тут с другой стороны, от леса, снова послышался гул самолёта, и ещё один кукурузник пролетел над нами, да так низко, что цифры и буквы на его боках стали ясно различимы.

— Наши, не фашисты, значит не война.

— Что же это так бабахнуло? Конечно, война.

— Но самолёт-то наш!

— А ты первый видел? он что — наш?

— Тот далеко был и высоко. Неужели по нашей деревне врезали?

Самолёты ещё покружили в небе и улетели в сторону леса.

Как же страшно и боязно было подниматься и идти в сторону деревни! А вдруг сейчас придём, а там наших домов нету? А как же родители? А что же с бабушкой?

И так мне стало жалко бабуню, что я первым не выдержал и дал рёву.

— Чего ты сопли-то разве-сил? — прикрикнул на меня Сашок Калмыков, и сам завыл, одновременно натягивая на себя штаны и рубаху. — Одевайтесь, домой пошли.

И мы пошли. Сначала медленно, как бы нехотя, а потом припустились со всех ног. Три километра до деревни промчались стрелами. И остановились, словно вкопанные.

Бабушка спокойно кормила кур, подсыпая им зерно прямо на лужайку.

— Бабунь, война же!

— Ты посмотри, солнышко-то сегодня какое: не палит, а будто гладит. Всё тихо, иди-ка кваску мне принеси.

— Так стреляли же!

— Никто не стрелял, а взрыв какой-то был. Может, гром так ударил.

— Ты что, какой гром, на улице даже махонькой тучки нет.

— Может, где далеко. У нас не видно, а слышно было. Не только ты один, и я перепугалась. Иди-иди, принеси квасу, да сам испей, холодный он, а уж вкуснющий.

Бабку окружили соседки, и все вели разговор о взрыве, а я едва успевал бегать к кадке и черпать большим ковшом квас.

Вечером к нам на огонёк заглянула Паша-курилка. Оторвала уголок газеты, скрутила козью ножку, достала кисет и насыпала в кручёную бумажку табака. Закурила.

— Сегодня в Сарове последний храм взорвали. Вот ведь что делается.

— Господин, Боже мой, прости нам прогрешения наши вольные, — перекрестилась бабушка и заплакала.

А Саров от нас в пяти верстах...

Содержание

Редакционная колонка

- 1 Слово главного редактора
- Живой опыт в живых словах
- 2 Размышления о паломничестве
- 3 Паломничество на Руси звали богомольем
- 4 Пример всем подала Пресвятая Богородица
- 5 В паломничество – за благодатью Божией
- 6 Увидеть мир Божий «внутренними глазами»
- 7 Пути к Богу всегда сопряжены с подвигом
- 8 И в современном паломничестве есть место подвигу
- 9 Прикоснуться к тайне, подумать о душе...
- 10 Паломничество – не религиозный туризм, но труд и подвиг
- 11 Турист и паломник: один путь – разные цели
- 12 «Подводные камни» современного паломничества
- 13 Места освящённые. Из истории паломничества
- В гостях у журнала «Дамаскин»
- 20 «Открыть дверь соловецкой тайны. И шагнуть»
- 26 В паломничество — за благодатью и просвещением

События жизни духовной школы

- 30 Студенты Киевской духовной академии и семинарии посетили нижегородскую духовную школу
- 30 Делегация Русской Православной Церкви Заграницей
- 39 Заседание совета ректоров вузов Нижегородской области
- 39 Международная научная конференция
- 66 Философский кружок

Семинария в лицах

- 31 Портреты и зарисовки
- Перо в руках семинариста
- 32 Выпуск-2012

Вера от слышания

- 40 Зачем нужна Церковь?

Семинария в лицах

- 46 Портреты и зарисовки

От лет древних

- 48 Архиепископ Флавиан (Дмитриюк): годы в оккупации (1941–1944)

Разрывы и связи

- 53 Ускользящее бытие Сергея Дурылина

Древняя мудрость в новых книгах

- 65 Обзор вышедших книг

Литературные страницы

- 68 Иван Чуркин. Война (рассказ)

